

САНДРА БРАУН

Против
правил

#1

NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR

Сандра Браун

Против правил

«Центрполиграф»

2023

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Браун С.

Против правил / С. Браун — «Центрполиграф», 2023

ISBN 978-5-227-10009-2

Письма Кайлы, посланные мужу, сержанту Ричарду Страуду, находившемуся на военной службе на другом конце света, полны любви, которой не страшен разлучающий молодую пару океан. Но трагедия слишком рано оставила Кайлу вдовой с новорожденным сыном. Друзья Ричарда сохранили его металлический ящик с наполненными признаниями в любви письмами жены. Тревор Рул, возвращаясь домой с военной службы, забрал с собой письма своего лучшего друга. Читая их, он все больше и больше влюбляется в нежную и страстную женщину, которая написала их, и хочет убедить Кайлу быть счастливой, оставив в прошлом смерть Ричарда. Но Тревор скрывает секрет, который может разрушить так страстно лелеемую им любовь.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-10009-2

© Браун С., 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сандра Браун

Против правил

Above and Beyond

Copyright © 1986 by Sandra Brown

«Против правил» © «Центрполиграф», 2023

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Глава 1

– У тебя все отлично получается, Кайла. Дыши. Да, вот так. Хорошо, очень хорошо. Как ты себя чувствуешь?

– Устала.

– Понимаю. Потерпи еще немного. Тужься. Ты все делаешь правильно. Тужься сильнее. Молодая женщина, лежащая на родильном столе, сжала зубы, ощущая усиление родовых схваток. Когда немного отпустило, она заставила свое тело расслабиться. Ее покрасневшее, покрытое пятнами лицо светилось радостью.

– Вы его уже видите?

Не успела она вымолвить эти слова, как ее скрутил новый приступ боли. Она снова стала тужиться, так сильно, как только могла.

– Теперь вижу, – ответил доктор. – Нужно еще чуть-чуть подтолкнуть... да... а вот и мы! Все в порядке, – провозгласил он, осторожно принимая новорожденного.

– Кто у меня?

– Мальчик. Красивый парень и крупненький.

– И легкие у него сильные, – добавил акушер, улыбаясь Кайле.

– Мальчик, – довольно прошептала та, откидываясь на стол, охваченная внезапной усталостью. – Позвольте мне взглянуть на него. С ним все в порядке?

– Да, все отлично, – заверил доктор, поднимая крошечное извивающееся тельце малыша над лицом матери.

Слезы выступили на глазах Кайлы, когда она впервые увидела своего сына.

– Аарон. Вот как мы его назовем. Аарон Пауэрс Страуд.

Когда малыша приложили к ее груди, Кайлу затопила волна эмоций.

– Папаша будет гордиться таким сыночком, – сказала медсестра, забирая новорожденного из ослабевших рук Кайлы, заворачивая в мягкое одеяло и направляясь с ним через комнату на взвешивание.

Доктор тем временем осматривал женщину, хотя роды прошли легко и без осложнений.

– Как скоро вы сможете уведомить мужа? – спросил он.

– Мои родители ждут в холле. Папа обещал сразу же послать Ричарду телеграмму.

– Малыш весит девять фунтов три унции, – провозгласила медсестра с другого конца комнаты.

Акушер стянул резиновые перчатки и взял Кайлу за руку.

– Пойду сообщу хорошие новости, чтобы телеграмма не заставила себя ждать. Где, вы сказали, находится Ричард?

– В Каире, – рассеянно ответила она, наблюдая за тем, как Аарон сердито брыкается, пока у него снимали отпечатки ножек. Какой же красивый ребенок! Ричард будет им гордиться.

Принимая во внимание, что малыш родился на закате, Кайла провела относительно спокойную ночь. Сына приносили ей дважды, хотя молоко у нее еще не пришло, и ребенок не был голоден. Радость от ощущения его теплого тельца около груди была всепоглощающей. Они общались так, как ей не приходилось ни с кем общаться прежде.

Она рассматривала сына, поворачивая его крошечные ручки и пристально вглядываясь в ладони, когда ей удавалось разогнуть пальчики, упрямо сжатые в кулачки. Все в нем: ручки и ножки, уши, каждый завиток волос на голове – Кайла сочла идеальным.

– Мы с папочкой очень сильно любим тебя, – сонно пробормотала она, передавая ребенка медсестре.

Рано утром Кайлу разбудили привычные больничные звуки: поскрипывание тележек с бельем, дребезжание подносов с едой, позвякивание инструментов. Зевнув, она с наслаждением потянулась, и именно за этим занятием ее застали вошедшие в палату родители.

– Доброе утро! – весело произнесла Кайла. – Удивлена, что вы здесь, а не в детском блоке, с прижатыми к стеклу носами. Или там еще не открыли шторы... – Она замолчала на полуслове, заметив осунувшиеся лица родителей. – Что-то не так?

Клиф и Мег Пауэрс переглянулись, и Мег с силой сжала ручку сумочки, отчего у нее побелели костяшки пальцев. У Клифа был такой вид, словно он только что проглотил очень горькое лекарство.

– Мама? Папа? Что происходит? О боже мой! Ребенок? Аарон? Что-то случилось с Аароном? – Трясущимися руками Кайла отшвырнула одеяло, намереваясь стремглав мчаться в детский блок.

Мег Пауэрс поспешила уложить дочь обратно на кровать.

– Нет, с малышом все хорошо, поверь мне.

Кайла устремила на родителей взволнованный взгляд:

– Так что же произошло? – Она пребывала на грани паники, голос ее срывался. Она знала, что родители проявляли признаки беспокойства лишь в крайне редких случаях.

– Милая, – мягко произнес Клиф Пауэрс, касаясь руки дочери, – мы узнали печальные новости. – Он вопросительно взглянул на жену и, получив ее одобрение, продолжил: – Рано утром в американском посольстве в Каире прогремел взрыв.

Мощная волна дрожи сотрясла тело Кайлы, во рту у нее пересохло. Она устремила в пространство немигающий взгляд. Сердце ее на мгновение замерло, затем снова стало биться, ускоряя свой бег по мере того, как сказанное отцом отпечатывалось в ее сознании.

– Ричард? – воскликнула она внезапно охрипшим голосом.

– Мы не знаем.

– Скажите мне!

– Мы не знаем, – настойчиво повторил ее отец. – Там сейчас царит хаос, как после взрыва бомбы в Бейруте. Никаких официальных заявлений пока не последовало.

– Включи телевизор.

– Кайла, не думаю, что тебе стоит...

Не обращая внимания на слова отца, она схватила с прикроватной тумбочки пульт дистанционного управления и включила телевизор, висящий на противоположной стене.

«...Масштаб разрушений на данном этапе не ясен. Президент назвал эту террористическую атаку возмутительным деянием, оскорбляющим мирные нации всего мира. Премьер-министр...»

Кайла переключала каналы, ожесточенно нажимая на кнопки пульта трясущимися пальцами.

«...Однако потребуются часы или даже дни, прежде чем будут обнародованы списки погибших. Морские пехотинцы были мобилизованы для помощи египетским войскам в расчистке завалов и поиске выживших».

На экране возникла картинка столпотворения, царившего около руин здания, еще недавно являвшегося американским посольством. Кадры, мелькающие на экране, были нечеткими, прерывистыми и хаотичными.

«Ответственность за теракт взяла на себя военная группировка, известная как...»

Кайла снова стала переключать каналы, но везде показывали одно и то же. Потом ее внимание привлекло изображение аккуратно уложенных на земле тел, которые уже были извлечены из-под обломков. Отбросив пульт в сторону, она разрыдалась, закрыв лицо руками.

– Ричард, Ричард!

– Милая, не теряй надежды. Сообщают, что выжившие есть, – тщетно пыталась успокоить дочь Мег, прижимая к себе ее сотрясающееся от рыданий тело.

– Бомба взорвалась в посольстве утром по каирскому времени, – сказал Клиф. – Мы узнали обо всем, как только проснулись. Сейчас нам не остается ничего другого, как ждать. Рано или поздно нам сообщат о Ричарде.

Трагическое известие пришло тремя днями позже, когда офицер морской пехоты позвонил в дверь дома Пауэрсов. Едва заведя припаркованную на обочине дороги служебную машину, Кайла со всей ясностью осознала то, о чем и без того уже подсознательно догадывалась. Жестом остановив отца, она сама пошла открывать дверь.

– Миссис Страуд?

– Да.

– Меня зовут капитан Хокинс. Считаю своим долгом уведомить вас, что...

– Но, дорогой, это же прекрасно! – воскликнула Кайла. – Отчего ты выглядишь таким подавленным? Я думала, ты будешь ликовать.

– Видишь ли, Кайла, я не хочу ехать в Египет, потому что ты в положении, – ответил Ричард.

Она коснулась его волос.

– Должна признать, что причина неубедительна. Это же такая честь. Не каждому морскому пехотинцу выпадает шанс нести службу в охранных войсках посольства. Тебя выбрали потому, что ты лучший, и я очень этим горжусь.

– Мне вовсе не обязательно соглашаться. Я могу попросить...

– Такая возможность выпадает один раз в жизни, Ричард. Думаешь, я смогу жить как ни в чем не бывало, зная, что из-за меня ты упустил свой шанс?

– Для меня нет ничего важнее тебя и ребенка.

– Мы будем ждать тебя. – Она обняла мужа. – Это твоя последняя командировка, и помни, что подобная честь выпадает единственный раз. Не стоит пренебрегать ею.

– Я не могу оставить тебя одну.

– Пока ты будешь в отъезде, я поживу у родителей. Они так переживают за своего будущего первого внука, что сводят меня с ума бесконечными звонками. То и дело проверяют, все ли у меня в порядке. Если я перееду к ним на какое-то время, то лишь облегчу всем нам жизнь.

Он обнял ее.

– Ты восхитительна, знаешь это?

– Так, значит, мне нечего беспокоиться о том, что ты заведешь интрижку с какой-нибудь загадочной восточной женщиной?

Ричард сделал вид, будто глубоко задумался над словами жены.

– Ты умеешь исполнять танец живота?

Она шутливо ткнула его под дых.

– Хорошенькое это будет зрелище, особенно когда у меня вырастет живот.

– Кайла. – Голос его был необычайно нежен, когда он пропускал между пальцами пряди ее волос. – Ты абсолютно уверена, что хочешь, чтобы я поехал?

– Абсолютно.

Эта беседа, произошедшая семью месяцами ранее, всплыла в памяти Кайлы сейчас, когда она смотрела на покрытый флагом гроб. Печальные звуки трубы разносил по кладбищу пронзительный зимний ветер. Люди, которые должны были нести гроб, все офицеры морских войск, стояли на изготовку, блистательные в своей военной форме.

Ричард упокоился рядом с его родителями, которые умерли один за другим еще до того, как Кайла познакомилась с будущим мужем.

– Я был совсем один в целом мире, пока не встретил тебя, – сказал он ей однажды.

– И я тоже.

– Но у тебя есть родители, – озадаченно напомнил он.

– Тем не менее я никому никогда не принадлежала так, как принадлежу тебе.

Они очень сильно любили друг друга, и Ричард понял, что она имеет в виду.

Его тело доставили домой в закрытом гробу, который Кайле посоветовали не открывать. Ей не было нужды спрашивать о причинах. Все, что осталось от здания посольства в Каире, – лишь горка искореженных камней и стальных обломков. В связи с тем, что бомба взорвалась рано утром, большая часть войск и дипломатических работников еще не прибыли на службу, а жертвами теракта стали те военные, кто, подобно Ричарду, был расквартирован в смежном здании.

Друг Клифа Пауэрс предложил переправить семью на своем частном самолете в Канзас на погребение. Кайла могла оставить Аарона лишь на несколько часов, потому что ей нужно было строго соблюдать время кормления.

Кайла вздрогнула, когда ей передали американский флаг, снятый с крышки гроба и церемониально сложенный. Без этого покрова гроб выглядел обнаженным. Неосознанно она подумала о том, не холодно ли Ричарду.

«Боже мой, – мысленно кричало ее сознание, – я должна оставить его здесь. Как же это возможно? Как я могу повернуться и уйти, оставив за спиной свежую могилу, напоминающую открытую рану на теле земли? Как мне сесть в самолет и полететь домой, бросив мужа в этом безжизненном краю, который я уже ненавижу всем сердцем?»

Ответом ей было лишь завывание ветра.

Ей придется оставить Ричарда здесь, потому что иного выбора нет. Его тело мертво, но живая частичка его – Аарон – ожидает ее дома.

Священник прочел последнюю молитву, и Кайла тоже произнесла слова прощания:

– Я сохраню тебя живым, Ричард, клянусь. Ты будешь вечно жить в моем сердце. Я люблю тебя. Ты всегда останешься живым для нас с Аароном, потому что я сохраню память о тебе.

Он находился внутри мягкого кокона. Время от времени внешний мир вторгался в пределы его уютного укрытия, но эти визиты были нежеланными. Звуки казались слишком громкими, а всякое, даже самое незначительное, движение воспринималось подобно землетрясению. Любой источник света причинял боль. Он хотел бы, чтобы никто не тревожил его сладостное беспмятство.

Однако постепенно воздействие внешних раздражителей участилось. Вынуждаемый силой, которую он не понимал, руками и ногами цепляясь за жизнь и за каждое ощущение, свидетельствующее, что он все еще жив, он медленно и осторожно карабкался наверх, подальше от безопасного белого тумана, навстречу пугающей неизвестности.

Он лежал на спине. Дыхание было ровным, сердце билось. Ни в чем другом он не был уверен.

– Вы меня слышите?

Он попытался повернуть голову в ту сторону, откуда доносился тихий голос, но боль тысячами острых иголок впиалась ему в череп, подобно отскакивающим рикошетом пулям.

– Вы проснулись? Можете мне ответить? Вам больно?

Прикладывая невероятные усилия, ему удалось коснуться губ кончиком языка. Он хотел облизать их, но во рту было сухо, словно его набили ватой. Он почти не чувствовал лица и не был уверен, что сумел бы повернуть голову, даже если бы его не терзала жестокая боль. Он осторожно пошевелил правой рукой.

– Нет-нет, лежите спокойно, у вас игла капельницы в этой руке.

Стоически превозмогая боль, он, наконец, сумел чуть приоткрыть глаза. Ресницы, отгораживающие его от внешнего мира, показались ему такими огромными, что он мог бы без

труда пересчитать их одну за другой. Затем он раскрыл глаза шире и увидел перед собой расплывчатый силуэт, напоминающий парящего в небе ангела. Постепенно картинка стала проясняться. Белая униформа. Шапочка. Медсестра?

– Добрый день. Как вы себя чувствуете?

«Идиотский вопрос, леди», – подумал он.

– Где... – Он не мог поверить, что этот каркающий звук рождается у него в глотке.

– Вы в военном госпитале в Западной Германии.

Западной Германии? Западной Германии? Очевидно, вчера ночью он напился гораздо сильнее, чем хотел, и сейчас видит какой-то дьявольский сон.

– Мы беспокоились о вас. Вы три недели провели в коме.

В коме? Три недели? О чем она толкует? Вчера ночью они с дочкой полковника улизнули, чтобы совершить рейд по злачным мечтам Каира и как следует покутить. Так какого черта этот ангел уверяет его, что он провалялся в коме... где? В Западной Германии?

Он попытался осмотреться и получить более детальное представление о том, где находится. Комната выглядела странно. Зрение его было расплывчатым. Что-то...

– Не беспокойтесь из-за нечеткого зрения. У вас повязка на левом глазу, – мягко произнесла медсестра. – А теперь лежите не шевелясь, пока я схожу за доктором. Он приказал позвать его, как только вы очнетесь.

Он не слышал, как она ушла. Секунду назад была тут, а в следующее мгновение исчезла. Возможно, она ему всего-навсего пригрезилась. Иногда сновидения бывают такими странными.

Стены раскачивались из стороны в сторону, потолок тоже то поднимался, то опускался, ни на минуту не пребывая в покое. Свет единственной лампы слепил глаза... то есть глаз.

Медсестра сказала, что на его левом глазу повязка. Для чего это? Невзирая на ее предупреждение, он снова попытался поднять правую руку, прилагая максимум усилий. Лента, удерживающая иглу капельницы, намертво приклеилась к волоскам на его руке. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем ему удалось дотронуться рукой до головы. Тут его охватила паника.

«Черт побери, у меня вся голова забинтована!» Он попытался оторвать голову от подушки, чтобы осмотреть свое тело, но смог приподнять ее не более чем на дюйм или два.

Крик, разнесшийся по коридору мгновение спустя, исходил именно из его палаты, и доктор с медсестрой со всех ног поспешили туда.

– Я подержу его, а вы делайте укол, – распорядился доктор. – Он сведет на нет все наши усилия, если будет продолжать в том же духе.

Почувствовав, как игла вонзается ему в правое бедро, пациент закричал от негодования на собственную неспособность говорить, двигаться, бороться.

Затем его мир снова погрузился во мрак. Заботливые руки уложили его обратно на подушку, и, коснувшись ее, он в очередной раз впал в сладостное забытие.

Несколько дней – или недель? – он балансировал на грани сознания, то приходя в себя, то снова проваливаясь в блаженное небытие. Время ему сверять было не по чему. Постепенно он научился различать моменты, когда меняли капельницу, или мерили его кровяное давление, или проверяли трубки и катетеры, тянущиеся от его тела. Однажды он распознал голос медсестры, потом доктора, но в его мягком туманном сновидении эти люди двигались бесшумно, как привидения.

Постепенно он научился бодрствовать более продолжительные периоды времени. Он лучше узнал комнату и аппараты, которые попискивали где-то за пределами видимости. Изучил собственные физические возможности и осознал, что ситуация очень серьезная.

Он не спал в тот момент, когда доктор вошел в палату, изучая диаграмму, прикрепленную к планшету металлическим зажимом.

– Добрый день, – произнес врач, заметив безмолвно взирающего на него пациента. Последовала привычная процедура осмотра, после чего доктор облокотился о спинку кровати и спросил: – Понимаете ли вы, что находитесь в больнице, и к тому же в плачевном состоянии?

– Был ли... это несчастный случай?

– Нет, сержант Рул. Американское посольство в Каире взорвали около месяца назад. Вы оказались в числе тех немногих, кому посчастливилось выжить. Вас выкопали из-под развалин, после чего доставили сюда. Когда поправитесь, сможете отправиться домой.

– Что... что со мной случилось?

Губы доктора тронула слабая улыбка.

– Будет проще перечислить, чего с вами *не* случилось. – Он потер подбородок. – Хотите правду?

Пациент едва заметно кивнул, и доктор продолжил говорить со всей прямоотой:

– Левая часть тела оказалась придавленной бетонной стеной, которая раздробила практически все кости. Мы собрали, что могли. Ну, а остальное... – Тут доктор сделал паузу и глухо вздохнул. – В общем, над остальным придется изрядно попотеть специалистам у вас на родине. Процесс окончательного выздоровления, друг мой, затянется на долгое время – я бы сказал, месяцев на восемь, хотя в действительности может потребоваться в два раза больший срок, а также несколько операций.

На забинтованном лице отразилась горечь, которую доктор с трудом мог переносить, хотя, пройдя поля сражения во Вьетнаме, многое повидал на своем веку.

– Я... буду?..

– На данном этапе любой прогноз не более чем предположение. Ваше выздоровление в значительной степени зависит от вас самого и от вашего настроя. Хотите ли вы снова обрести способность ходить, например?

– Не только ходить, но и бегать, – угрюмо заявил морской офицер.

Доктор подавил рвущийся наружу смех.

– Вот и славно. Сейчас ваша работа заключается в том, чтобы набраться сил, и тогда мы сможем залатать вас.

Врач легонько потрепал его по правому плечу и уже развернулся, намереваясь уйти.

– Док? – позвал пациент хриплым голосом. – А что с глазом?

Эскулап сочувственно посмотрел на лежащего перед ним человека.

– Мне очень жаль, сержант Рул, глаз нам сохранить не удалось.

Доктор поспешно вышел из палаты, пытаясь проглотить комок, стоящий у него в горле. Самым красноречивым проявлением отчаяния из всех, чему он когда-либо становился свидетелем, явилась эта одинокая слеза, сползающая по впалой, заросшей щетиной щеке.

Джорджу Рулу позволили навестить сына на следующий день. Он подошел к кровати и пожал правую руку Трево. Затем медленно опустился на стоящий рядом стул. Молодой человек не мог припомнить ни единого случая, когда бы его отец плакал, даже на похоронах его матери несколько лет назад. Теперь же прокурор из Филадельфии, внушающий ужас всякому дающему ложные показания свидетелю, рыдал навзрыд.

– Должно быть, я выгляжу хуже, чем сам считал, – неуклюже попытался пошутить Тревор. – Ты шокирован?

Отец взял себя в руки. Медработники предупредили его о необходимости демонстрировать оптимистичный настрой.

– Нет, не шокирован. Я же видел тебя, когда ты только поступил. Поверь мне, с тех пор ты значительно окреп.

– Значит, тогда я выглядел запредельно плохо, потому что даже сейчас чувствую себя чертовски паршиво.

– Пока ты находился в коме, мне позволяли навещать тебя всего лишь раз в день, а после того, как пришел в сознание, вообще запретили визиты. С тобой все будет хорошо, сынок, очень хорошо. Я уже беседовал с докторами из Штатов, хирургами-ортопедами, которые...

– Можешь для меня кое-что сделать, папа?

– Все, что пожелаешь.

Прежде Тревор с отцом не особо ладили. Не будь сейчас молодой человек так глубоко погружен в собственные мысли, он заметил бы значительную перемену, произошедшую с Джорджем.

– Проверь список убитых, раненых и пропавших без вести. Выясни, выкарабкался ли сержант Ричард Страуд.

– Сынок, тебе не следует волноваться...

– Выполнишь мою просьбу? – простонал Тревор, чувствуя почти физический дискомфорт от посещения отца.

– Да-да, конечно, – поспешил заверить Джордж, видя растущее беспокойство сына. – Страуд, говоришь?

– Да. Ричард Страуд.

– Твой друг?

– Да. Всем сердцем надеюсь, что он не погиб. В противном случае его смерть будет на моей совести.

– Как такое возможно, Тревор?

– Потому что последнее, что я помню, – это то, как я завалился спать на его койке.

– Пссс, Страуд! Не спишь, приятель?

– Нет, – последовал ворчливый ответ. – Ради всего святого, Ловелас, сейчас три часа ночи. Ты пьян, что ли?

– А не пропустить ли нам по стаканчику?

Ричард Страуд сел на своей койке, прогоняя остатки сна.

– Те еще выдались выходные, а?

– Прекрасно провел время. Ты когда-нибудь испытывал оргазм?

Страуд засмеялся.

– Ты чертовски пьян. Давай я помогу тебе снять брюки.

– Оргазм, оргазм. Помнится, за прошедшую ночь я пережил три. Или четыре?

– Четыре? Это рекорд даже для тебя, не так ли?

Тревор нацелил дрожащий палец прямо на кончик носа Ричарда.

– П-послушай-ка, С-Страуд. Т-ты всегда д-ду-маешь обо мне с-самое х-худшее. Я о выпивке тебе говорю. Оргазм называется. Мешаешь водку с ликером и... Я уже без брюк или как?

– Будешь, если по очереди поднимешь ноги.

– Ох! – Тревор Рул повалился на койку Ричарда, увлекая того за собой и глупо ухмыляясь. – Знаешь Беки?

– А мне казалось, ее зовут Бренда, – отозвался Страуд, высвобождаясь из хватки приятеля.

– Ах да. Когда я теперь о ней вспоминаю, мне думается – я точно уверен! – что ее имя Бренда. И у нее отличные ножки. – Он похотливо подмигнул Ричарду, пока тот стаскивал с него рубашку. – А бедра какие сильные! Понимаешь, что я имею в виду?

Страуд лишь засмеялся и покачал головой:

– Понимаю, конечно, но не считаю, что полковник Дэниелс пришел бы в восторг, узнав, как ты тут разглагольствуешь о сильных бедрах его дочери.

– Мне кажется, я ее люблю, – заявил Тревор с серьезностью, на которую способен только очень пьяный человек. Заявление было подкреплено громкой отрыжкой.

– Не сомневаюсь. На прошлой неделе ты был влюблен в брюнетку-секретаршу с третьего этажа. А неделей ранее ее место в твоём сердце занимала блондинка-журналистка. Ну же, Ловелас, давай положим тебя на твою собственную койку.

Обхватив Тревора одной рукой, он попытался поднять его, но тот был невероятно тяжел, и лишь глупо ухмылялся.

– Ладно, у меня идея получше, – сказал Ричард, осознав, что с приятелем ему не справиться. – Почему бы тебе просто не переночевать на моей койке?

Тревор красноречиво откинулся на подушки, а Страуд стал пробираться в темноте к его койке. Устроившись на матрасе, он произнес:

– Спокойной ночи!

Подняв голову, он заметил, как Тревор машет ему рукой.

– Спокойной ночи! – повторил он.

В ту ночь в посольстве взорвалась заложенная террористами бомба.

Выздоровление Тревора оказалось более болезненным, чем он предполагал. Пришлось провести месяц в госпитале в Западной Германии, прежде чем его отправили домой. Светила медицины, осматривавшие его, выходили из палаты, угрюмо качая головой. Левая часть его тела продолжала оставаться недвижимой.

– Подлатайте меня, – настойчиво повторял Тревор, – сделайте, что в ваших силах. А закончу я сам. Верьте моим словам – отсюда выйду на своих ногах.

Он заставлял сиделок читать ему все газетные статьи о взрыве в посольстве, переживая по очереди недоверие, затем отчаяние и, наконец, гнев. Гнев был особенно целителен, потому что давал силы бороться с болью, мириться с последствиями операций, следовавших одна за другой, выдерживать продолжительные курсы физиотерапии.

Получив официальное увольнение из морской пехоты, он решил избавиться от короткой военной стрижки и отрастить волосы. Медсестру, приходившую брить его каждое утро, уговорил оставить ему усы. От глазного протеза Тревор отказался.

– Мне кажется, так будет... более стильно, – заявила одна из медсестер, столпившихся возле его постели, когда доктор надевал ему черную повязку на глаз. Половина женского медперсонала была влюблена в своего пациента, и многочисленные увечья не отпугнули их от его мускулистого тела. Медсестры горячо восхищались его грубоватым красивым лицом, длинными руками и ногами, широким торсом и узкими бедрами.

– Эта повязка сочетается с вашими выющимися черными волосами.

– Когда выйдете отсюда, придется вам палкой от девушек отбиваться.

– Тростью, вы хотели сказать, – ответил Тревор, рассматривая повязку в маленьком зеркале, кем-то ему одолженном.

– Не сдавайтесь, – ободряюще произнес доктор, – мы ведь только начали.

О смене времен года он узнавал лишь по изменяющемуся пейзажу за окном госпиталя. Дни были похожи один на другой, как близнецы. Он держал на прикроватной тумбочке календарь и каждый день вычеркивал по одной цифре, отслеживая таким образом ход времени.

Однажды санитар, который время от времени приходил к Тревору после смены, чтобы сыграть с ним в покер, положил на стул рядом с кроватью вещевой мешок.

– Это еще что такое?

– Все вещи, которые смогли извлечь из твоей комнаты в посольстве в Каире, – пояснил санитар. – Твой отец решил, что ты захочешь взглянуть – вдруг сочтешь что-то достойным внимания?

Ничего стоящего в мешке не было, но одна вещица действительно привлекла внимание молодого человека.

– Передай мне ту металлическую коробку, пожалуйста.

Это была ничем не примечательная зеленая жестяная коробка с крышкой на шарнире и кодовым замком, состоящим всего из одной цифры. Каким-то чудом он вспомнил эту цифру и сумел открыть коробку.

– Что там? – поинтересовался санитар, с любопытством заглядывая Тревору через плечо. – Похоже на стопку писем.

Молодой человек почувствовал, как ему сдавило грудь. Он едва нашел в себе силы ответить:

– Да, так и есть.

Он совсем забыл о них, но сейчас события того далекого вечера всплыли в его памяти с кристальной ясностью.

– Привет, Ловелас!

– Здорово, Страуд! Чем могу быть полезен?

– Помнишь ту металлическую коробку, в которой ты хранишь деньги для игры в покер?

– Ну да, а что?

– Не станешь возражать, если я положу туда вот это для сохранности? – спросил Страуд, смущенно показывая ему стопку писем, перехваченных резинкой.

– Хмм. Это послания от жены, из-за которой ты ведешь монашеский образ жизни?

– Да, – подтвердил Страуд.

– Вот уж не думал, что она умеет писать.

– Что?

– Я всегда считал, что ангелы далеки от подобных мирских занятий, – поддразнил Тревор, награждая друга тычком под ребра.

– Тебя только не хватало! Парни и так подтрунивают надо мной за то, что храню письма, но мне нравится перечитывать их по несколько раз.

– Сентиментальные небось? – В зеленых глазах Тревора плясали озорные искорки.

– Нет, просто личные. Так что насчет коробки?

– Да, конечно, пользуйся. Захочешь открыть ее – набери на кодовом замке цифру четыре.

– Четыре? Спасибо, Ловелас!

Он схватил Страуда, уже повернувшегося, чтобы уйти, за рукав.

– Точно не сентиментальные?

Ричард усмехнулся:

– Ну, если только самую малость.

Потом они пошли выпить пива, и Тревор начисто позабыл о письмах жены Страуда. И не вспоминал о них вплоть до нынешнего момента.

Он открыл крышку, чувствуя себя так же неловко, как если бы подсматривал в окно спальни, как его приятель занимается любовью с женой.

– Выброси все остальные вещи, – раздраженно произнес он.

– А коробку с письмами оставишь себе? – уточнил санитар.

– Именно.

Он не сумел бы объяснить, зачем поступает подобным образом. Возможно, из чувства вины за то, что он выжил, а Ричард погиб, поменявшись с ним койками. Прodelывая привыч-

ные упражнения для развития мышц рук, Тревор в сотый раз говорил себе, что не станет вторгаться в личную жизнь умершего человека, читая письма от его жены.

Но когда на госпиталь опустилась ночь, ушли посетители, лекарства были приняты, а медсестры разошлись по своим постам, Тревор взял коробку с прикроватной тумбочки и поставил ее себе на грудь.

Было темно, он чувствовал себя очень одиноким и потерял счет ночам, проведенным без женщины. Для него было огромным облегчением убедиться, что его тело по-прежнему реагирует всякий раз, когда его приятелю санитару удавалось тайком принести ему свежий номер журнала «Плейбой» или «Пентхауз». Его мужское достоинство совсем не пострадало.

Тревор нуждался в женщине.

Дело было не в том, что он не мог заполучить ее. Стоило ему лишь послать некоторым из медсестер особый призывный взгляд, и они с радостью скрасили бы его выздоровление.

Но он уже пережил достаточно мелодрам в жизни. Больничные слухи моментально приписали бы ему романтические отношения, которые были нужны ему сейчас менее всего.

Тем не менее он жаждал женского прикосновения, хотел слышать нежный голосок. В отличие от прочих мужчин, ему не приносило радости удовлетворять самого себя по ночам, просматривая мужские журналы. Девушки, запечатленные в глянце, с чувственными телами, роскошными волосами и завлекательными улыбками казались ему такими же плоскими, как и страницы, на которых они были напечатаны.

Написавшая письма женщина, напротив, существовала в действительности.

Металлическая крышка открылась бесшумно, а вот страницы громко зашуршали, когда он к ним прикоснулся. Тревор отдернул руку, но тут же, обругав себя последним идиотом, вытащил несколько конвертов, лежащих наверху пачки.

Всего посланий было двадцать семь. Он рассортировал их и разложил по датам. Когда подготовительная часть работы, призванная отсрочить момент того, что он считал чуть ли не смертельным грехом, была закончена, он вынул из первого конверта простой лист бумаги и углубился в чтение.

Глава 2

7 сентября

Мой дорогой Ричард.

С тех пор, как ты уехал, прошло всего несколько недель, а мне кажется – несколько лет. Тоска по тебе превратилась у меня в болезнь, прогрессирующую с каждым днем. Воображение играет со мной жестокие шутки. Мне часто кажется, что я вижу тебя, особенно в толпе, и сердце в предвкушении начинает биться быстрее, но потом я мучительно осознаю, что в очередной раз приняла кого-то другого за тебя...

15 сентября

Дорогой Ричард.

Прошлой ночью видела тебя во сне и проснулась в слезах...

16 сентября

Любимый,

прости мое вчерашнее письмо. Мною овладела хандра...

2 октября

Дорогой Ричард.

Сегодня я почувствовала, как мальши впервые пошевелился! Любимый, не могу описать словами, как это восхитительно. Сначала я ощутила лишь легкое трепетание и замерла на месте, задержав дыхание. Затем он (я точно знаю, что будет мальчик) снова стал двигаться, на этот раз более ощутимо. Я засмеялась и заплакала одновременно, и ко мне тут же примчались мама с папой. Они не смогли ничего почувствовать, но я уверена, что, будь ты рядом со мной, касайся моего живота, непременно ощутил бы, как он шевелится. Я люблю тебя. Очень сильно.

25 октября

...И твоя экскурсия к пирамидам показалась мне просто восхитительной. Завидую тебе! Мы с мамой вчера ездили в «Северный парк» за покупками. Движение на улицах Далласа становится все более плотным, поэтому, добравшись домой, я чувствовала такую усталость, что едва нашла в себе силы подняться в спальню, и папа принес мне ужин на подносе. Но день был потрачен не зря. Я накупила столько вещей для мальши, что ему лет до шести хватит!

Твой рассказ о жене консула всех нас очень позабавил. Неужели она и правда так одевается? Кстати, о твоём приятеле Ловеласе, **ДЕРЖИСЬ ОТ НЕГО ПОДАЛЬШЕ!** Не думаю, что он положительно влияет на женатого мужчину, у которого к тому же жена в положении...

День благодарения

...Мечтаю, чтобы ты был рядом. Вчера вечером ходила с Бэбс в кино. Лучшие бы дома осталась! Фильм оказался очень эротичным и чувственным. Я так хочу тебя, что готова лезть на стены! Какой стыд! Добропорядочные беременные дамы не должны вести себя, как похотливые кошки, не так ли? За окном дождливо и холодно, и мне кажется, будь у меня шанс, смогла бы даже оторвать тебя от просмотра футбольных матчей по телевизору сегодня.

21 декабря

Любовь моя!

Вчера получила твоё письмо. Смеялась до слёз. Значит, ты хочешь, чтобы я держалась подальше от Бэбс? Я пойду на это только в том случае, если ты прекратишь водить дружбу с этим твоим Ловеласом. Судя по твоим рассказам, он относится к тому типу мужчин, которых я ненавижу. Считает себя Божьим даром женскому роду, не так ли? Даже если ты и говоришь, что он красив, как дьявол, я знаю, что он бы мне не понравился...

24 декабря

Дорогой мой!

Дни коротки, но мне они кажутся бесконечными. Я пала духом. Большие всего на свете мне хотелось бы проспать Рождество. Куда ни брось взгляд, люди празднуют, улыбаются, проводят время с теми, кого любят. Я чувствую себя инопланетянкой, оказавшейся в мире, где все распределены по парам. Где же ты? Мама и папа переживают из-за моего подавленного состояния и изо всех сил стараются приободрить меня, но я так сильно по тебе тоскую, что их усилия ни к чему не приводят. Подарки, присланные тобой, лежат под рождественским деревом. В этом году папа раскошелился на пихту, мою любимую! Надеюсь, мои подарки тебе доставили вовремя. Честно говоря, я обменяла бы все дары, которые когда-либо получала и получу в будущем, на один твой поцелуй. Всего один долгий дразнящий и одновременно насыщающий поцелуй. Ах, Ричард, я люблю тебя. Счастливого Рождества, дорогой!

11 января

...Теперь, когда праздники закончились и мы пережили уже полгода в разлуке, мне намного лучше.

Мне все сложнее становится спать. Спешу тебя обрадовать, что наш малыш точно вырастет либо футбольным нападающим, либо защитником. Я уверена, что, когда ему исполнится двадцать два года, его примут в команду с распростертыми объятиями. Кстати, нравится ли тебе имя Аарон? Если, конечно, родится мальчик. Лучше бы, чтобы так и случилось, потому что мне пока не пришло на ум ни одного имени для девочки.

Ты с ума бы сошел, увидев мои груди. Они просто огромные! К сожалению, и все прочие части тела стали им под стать. Вот уж не думала, что вынашивание ребенка приводит к таким радикальным переменам в организме! Даже соски увеличились. (Эта ужасная Бэбс заявляет, что хотела бы иметь такие же! Она невыносима!) Я готовлюсь кормить грудью. Как жаль, что тебя нет рядом, чтобы помочь мне при родах (как подумаю об этом, так страшно становится).

Однако ничто не сравнится с восхитительными мыслями о том, как я буду заботиться о нашем малыше... об Аароне...

25 января

...И это был самый ужасный кошмар, который я когда-либо видела. Я проснулась в холодном поту. Ни за что не стану снова есть перец чили, пока не родится ребенок!

Скажи, ездил ли Ловелас тоже на выходные в Александрию? Ты ничего не писал о нем, и, как мне кажется, сделал это нарочно. Если ты поступил неблагоразумно и согрешил с какой-нибудь танцовщицей, не признавайся мне в этом. Я чувствую себя толстой, как буйвол, и вчера долго плакала по этому поводу... одновременно поглощая большую порцию бананового мороженого с тремя ложечками миндаля в шоколаде (для поднятия настроения, как считает Бэбс). Иногда я прихожу в отчаяние, потому что мне кажется, будто я никогда тебя больше не увижу, Ричард. Окажусь ли я снова в твоих объятиях? Почувствую ли, как ты проникаешь в меня? Временами мне кажется, что ты не существуешь в действительности, что ты всего

лишь прекрасное видение из сна. Ты нужен мне, любимый. Мне нужно знать, что ты любишь меня так же сильно, как я люблю тебя... всем сердцем...

– Так тебя выписывают на следующей неделе?

Тревор отвернулся от окна.

– Да. Наконец-то.

– Отлично, сынок, – искренне произнес Джордж Рул. – Выглядишь как новенький.

– Не совсем.

В голосе молодого человека не было горечи. За прошедшие тринадцать месяцев он осознал, как повезло ему в жизни. В этом его убедили прогулки по больничным коридорам. Могло так случиться, что он оказался бы до конца жизни прикованным к инвалидному креслу, как многие из тех, кого он видел в кабинете физиотерапии.

Он мог ходить, пусть и слегка прихрамывая, но все же ходить. Он даже привык к своей повязке на глазу и больше не наткался на мебель. Его не обманули, говоря о способности организма компенсировать потерю какого-либо органа. Тревор едва мог вспомнить, каково это – видеть обоими глазами.

– Врачи хотели заставить меня каждую неделю приезжать к ним на процедуры, но я отказался, – пояснил он. – Думаю, с меня достаточно. Упражнения я могу делать дома самостоятельно.

– И чем ты планируешь теперь заняться? – неуверенно спросил сына Джордж.

Выбор профессии Тревора являлся яблоком раздора, с тех пор как молодой человек окончил Гарвард. Он и в морскую пехоту пошел лишь для того, чтобы насолить отцу, который хотел, чтобы сын избрал адвокатскую стезю, последовав по его стопам, и отказывался слушать планы на будущее самого Тревора.

– Тем, чем всегда собирался. Стану строителем.

– Понятно. – В голосе отца слышалось разочарование, но усилием воли он подавил его. Он чуть было не лишился сына. То, что Тревор оказался на волосок от гибели, напугало непреклонного Джорджа Рула. Теперь он боялся снова потерять сына, хоть и не в физическом смысле. Он осознал, что так и случится, стоит ему лишь попытаться указывать Тревору, что делать. – И где же ты планируешь начать?

– В Техасе.

– В Техасе! Мог бы с тем же успехом сказать, что на другой планете.

Молодой человек рассмеялся:

– Ты, конечно, слышал о строительном буме, охватившем Солнечный пояс¹. Сейчас там кипит работа, но все еще есть участки земли, ждущие своего часа. Я выбрал маленький городок рядом с Далласом, Чэндлер. Он быстро развивается, и я собираюсь вложить средства в этот рост.

– Но тебе же потребуется стартовый капитал.

– Я ожидаю поступления средств из морских войск.

– Вряд ли этого будет достаточно, чтобы начать собственное дело.

Тревор в упор посмотрел на отца:

– Во сколько бы обошлась тебе адвокатская степень Гарвардского университета, отец?

Джордж Рул кивнул:

– Я все понял.

Он протянул руку и обменялся с сыном крепким рукопожатием.

– Спасибо.

---

¹ *Солнечный пояс* – собирательное название штатов крайнего юга, юго-запада и запада США с благоприятным климатом и растущей численностью населения.

Впервые на памяти Тревора отец заключил его в крепкие объятия.

Позднее тем же вечером молодой человек собрал свои вещи и в последний раз вытянулся на больничной койке. Он был слишком взбудоражен, чтобы спать. Ему в жизни выпал второй шанс. Первую возможность он не использовал должным образом, но со второй, которая должна начаться завтра, он не совершит такой промашки. Больше никаких потраченных впустую лет. Теперь у него в жизни есть цель.

Тревора потянуло к зеленой металлической коробке, которая всегда находилась у него под рукой. Письма истерлись по линиям сгибов, а по краям обтрепались. Он выучил все двадцать семь посланий наизусть, но ему доставляло особое удовольствие рассматривать изгибы и завитки изящного женского почерка. Он взял одно письмо из стопки, и выбор его был не случаен.

«...Ты прекратишь водить дружбу с этим твоим Ловеласом. Судя по твоим рассказам, он относится к тому типу мужчин, которых я ненавижу. Считает себя Божьим даром женскому роду, не так ли? Даже если ты и говоришь, что он красив, как дьявол, я знаю, что он бы мне не понравился...»

Тревора аккуратно сложил листок и убрал его в конверт. Ему еще долго не удавалось заснуть.

Она оказалась красавицей.

За последние несколько недель он видел ее много раз, но так близко – впервые. И такое продолжительное время. Возможность рассмотреть ее черты он считал особой привилегией.

И через тысячу лет Тревор не сумел бы описать цвет ее волос. Слово «светлый» не подразумевало более темные сияющие прядки, скрывающиеся в общей массе. Не была она и рыжеволосой. Определение «рыжеватая блондинка» также не соответствовало истине, потому что было пресным и скучным, что никак не соответствовало облику Кайлы Страуд, которая излучала энергию и солнечный свет.

Сегодня ее неописуемые волосы были собраны в простой конский хвост на затылке, но несколько выбившихся из прически выходящих прядок мягко обрамляли ее лицо.

Ах, какое лицо! Формой напоминает сердечко, подбородок заостренный. Брови изогнуты дугой над широко расставленными глазами. Лоб высокий и гладкий, свидетельствующий о выдающемся интеллекте. Цвет лица очень естественный, щеки напоминают спелые персики, при виде которых Тревору отчаянно захотелось вкушать их сладость.

На Кайле были повседневные желто-коричневые слаксы, хлопковая блузка в полоску с закатанными до локтей рукавами и кардиган. Она могла по праву гордиться своей точеной изящной фигурой с идеальными пропорциями.

Воистину, эта женщина – само совершенство.

Тревору нравилось наблюдать за тем, как она разговаривает с ребенком, серьезно, словно тот понимает каждое слово. Возможно, так оно в действительности и было, потому что, когда Кайла улыбнулась, на лице малыша тоже расцвела широкая улыбка. Мать и дитя чувствовали себя совершенно естественно и раскованно в переполненном торговом центре, с суетливо снующими по магазинам людьми, совершающими субботние покупки.

В киоске с мороженым женщина купила рожок и, держа его в одной руке и чудом сохраняя равновесие, толкала перед собой коляску, направляясь к ближайшей скамье. Усадив сына, она стала угощать его мороженым, то заливаясь счастливым смехом, то жуя ребенка за то, что он перепачкался. Зажав мороженое в правой руке, левой она пыталась отыскать в сумочке салфетку.

Когда рожок и салфетка превратились в однородную мокрую массу, Кайла что-то строго сказала сыну и поднялась со скамьи, чтобы выбросить мусор в ближайшую урну.

Едва она повернулась к малышу спиной, он соскользнул на пол и пустился бежать на коротеньких крепких ножках, направляясь к фонтану, извергающему искрящуюся струю воды ввысь, к застекленной крыше торгового центра. Фонтан был окружен бассейном глубиной в пару футов.

Тревор рефлекторно оторвался от стены, о которую опирался плечом, празднично наблюдая за семейной сценкой. На несколько секунд отведя взгляд от мальчика, он заметил, что Кайла уже выбросила мусор и увидела, что ее сын пропал. Даже с большого расстояния молодой человек без труда прочел на ее лице выражение мгновенной паники.

Не задумываясь, Тревор стал пробираться к фонтану сквозь людскую толпу. Малыш в это время уже карабкался на низенькое ограждение, явно намереваясь дотянуться до булькающей воды.

– Боже мой, – пробормотал Тревор, отталкивая мужчину с трубкой. Он прибавил шагу, но все равно оказался недостаточно быстрым – ребенок уже перевалился через бортик бассейна и упал в воду.

Это происшествие заметили несколько проходящих мимо людей, но Тревор достиг фонтана первым. Перекинув правую ногу через бортик, он вступил на дно фонтана, схватил малыша под руки и вытянул из воды.

– Аарон! – Кайла энергично пробивалась через толпу.

Мальчик, отплеывая воду, с любопытством воззрился на держащего его человека. Выражая одобрение, он широко улыбнулся своему спасителю, продемонстрировав два ряда ровных молочных зубов, и пролопотал что-то, похожее на слово «вода».

Разбрызгивая вокруг себя капли, Тревор выбрался из фонтана, и зеваки расступились, освобождая ему место. Со всех сторон посыпались вопросы:

– С малышом все в порядке?

– Что произошло?

– Где же мать?

– За ребенком вообще кто-нибудь смотрел?

– Некоторые родители так халатно относятся к воспитанию детей.

– Разрешите, пропустите. – Кайла, наконец, протолкнулась к сыну. – Аарон, Аарон! – Она выхватила сына из рук Тренора и прижала его к груди, не обращая внимания на то, что малыш весь мокрый. – Маленький мой. Ты в порядке? Как же ты напугал мамочку! Боже мой.

Как только ребенок почувствовал, что его мать расстроена, приключение моментально потеряло для него всякую прелесть. Нижняя губа его затрепетала, черты лица исказились, глаза наполнились слезами. Широко раскрыв рот, он заголосил.

– Он ранен? Он ушибся? – яростно вопрошала Кайла.

– Идемте, давайте выбираться отсюда. Пожалуйста, ребята, расступитесь, дайте нам пройти. С ребенком все хорошо, он просто напуган.

Кайла смутно сознавала присутствие за своей спиной высокого мужчины, чувствовала прикосновение его руки к спине между лопатками, когда он направлял ее к скамье. Однако она была поглощена выискиванием у Аарона возможных повреждений, поэтому мужчина оставался для нее на втором плане до тех пор, пока она не села на лавочку. Наконец, прижав плачущего сына к груди, она осмелилась взглянуть на незнакомца.

Далеко не сразу ее взгляд достиг его лица. Первое, что она отметила про себя, – это то, что мужчина очень высокий. На мгновение у нее перехватило дыхание, потому что она никак не ожидала увидеть густые усы и черную повязку на его левом глазу.

– Благодарю вас, – произнесла она.

Высокий мужчина опустился на скамью рядом с ней.

– Думаю, с малышом все в порядке. Его напугала ваша реакция.

Кайла кивнула, демонстрируя, что ее подбородок может быть не только изящным, но и очень упрямым, особенно когда ей бросают вызов. Осознав, что незнакомец вовсе не собирался ее осуждать, она разочарованно улыбнулась:

– Полагаю, вы правы. Я сгустила краски.

Аарон тем временем перестал плакать, и Кайла отстранила его от себя и вытерла слезы с его покрасневшихся круглых щечек.

– Ты до смерти напугал меня, Аарон Страуд, – отругала она его, затем снова посмотрела на мужчину и пояснила: – Только что был тут, а секунду спустя его уже как ветром сдуло.

Тревор почувствовал, что тонет в глубине ее бархатистых темно-карих глаз.

– Малыш двигался, словно молния-грязуля. – Женщина слегка склонила голову, явно озадаченная его словами, и он поспешил пояснить: – Я видел, как он поглощал мороженое.

– Вот оно что. – Кайле не пришлось в голову спросить, почему они вообще привлекли внимание незнакомца. Ей было интересно, что случилось с его глазом. Как печально, что он потерял глаз, потому что тот единственный, что смотрел сейчас на нее, был восхитительного глубокого зеленого цвета, в обрамлении густых черных ресниц.

Его взгляд жег ее, подобно изумрудному пламени. Осознав, что откровенно пялится на мужчину, Кайла отвернулась и тут заметила, что его ботинки и джинсы мокрые.

– Вы прыгали в фонтан?

Бросив взгляд на свои джинсы, до колен пропитанные водой, незнакомец рассмеялся и одернул мокрые брючины.

– Наверное, да, но точно сказать не могу. Я думал только об Аароне.

– Откуда вам известно его имя?

При этом вопросе сердце Тренора совершило головокружительный кульбит у него в груди.

– Ну, вы же сами его только что так называли.

Она кивнула.

– Мне очень жаль, что вы промокли.

– Все быстро высохнет.

– У вас очень дорогие ботинки.

– Не такие дорогие, как жизнь Аарона. – Он пощекотал мальчугана под подбородком.

Малыш был всецело поглощен тем, что жевал рукав материнского кардигана. Она вытащила ткань из его рта и машинально разгладила складки на груди.

– Боже мой! Вы оба насквозь вымокли!

В подтверждение ее слов Аарон громко чихнул.

– Вы тоже промокли, – заметил Тревор.

От его взгляда, устремленного ей на грудь, Кайлу бросило не в холод, а в жар. Она поспешно поднялась со скамейки.

– Еще раз спасибо, и прощайте. – Держа Аарона перед собой, как живой щит, она устремилась было к ближайшему выходу.

– Подождите!

– Что такое?

– Ничего не забыли?

– Что, например?

– Ну, хотя бы свою сумочку. И коляску Аарона. Сумочка все еще лежит на скамье у киоска с мороженым.

Чувствуя себя полной идиоткой, Кайла покачала головой и засмеялась:

– Я все еще...

– Расстроены. Отлично понимаю. Я сейчас принесу ваши вещи.

– Вы и так много для нас сделали.

– Все в порядке.

Не успела она придумать другое возражение, как он встал и зашагал прочь. Кайла незаметно посмотрела себе на грудь, чтобы выяснить, все ли в порядке, и облегченно вздохнула, не заметив ничего из ряда вон выходящего.

Снова переведя взгляд на удаляющуюся мужскую фигуру, она заметила, что он хромает. Это было почти незаметно, но он слегка приволакивал левую ногу. Очевидно, пережил ужасную аварию, в которой потерял глаз и травмировал левую часть тела.

Но даже хромота не лишала плавности его походки. Для такого крупного мужчины он двигался на удивление грациозно, словно атлет. А как восхитительно он сложен! Какие широкие плечи и узкие бедра! Волосы цвета полуночи достаточно длинные, чтобы закрывать кончики ушей и выющимися прядями ниспадать на воротник рубашки. Кайла отметила, что встречающиеся женщины оборачиваются ему вслед, ничуть не смущаясь его повязки на глазу, которая в действительности придавала особую изюминку его небрежному и немного вызывающему облику.

При всей своей мужественности он совершенно естественным жестом перекинул ремешок ее сумочки себе через плечо и, лавируя в людском потоке, невозмутимо покатил коляску к тому месту, где они с Аароном ожидали его.

– Благодарю вас еще раз, – произнесла Кайла, уворачиваясь от кулачка сына, нацеленного ей в ухо, и протягивая руку за сумочкой.

Тревор ловким жестом надел ремешок ей на плечо и аккуратно расправил.

Она такая изящная, подумал он.

Он такой высокий, подумала она.

Кайла нагнулась, пытаясь усадить Аарона в коляску, но малыш отчаянно этому воспротивился и стал громко протестовать, упрямо не желая сгибать ножки.

– Он устал, – извиняющимся тоном произнесла женщина, расстроенная, что ее ребенок ведет себя неподобающим образом. Они снова привлекали внимание прохожих, которые с любопытством посматривали на мокрого ребенка и его маму, а также на мужчину в пропитанных влагой джинсах.

– Почему бы вам не понести Аарона, а я помогу довести коляску до вашей машины?

Она выпрямилась и взяла сына на руки.

– Я не могу ответить согласием. Мы и так доставили вам много хлопот.

Он улыбнулся, продемонстрировав ряд ровных белоснежных зубов под эротичными усами.

– Никакого беспокойства.

– Ну... – Она колебалась.

Этот человек заставлял Кайлу нервничать, хотя она не сумела бы ответить почему. Он вел себя безукоризненно вежливо, не бросал на нее непристойные взгляды. Вероятнее всего, он считал, что у нее есть муж, который сейчас играет в гольф или работает в саду.

Тем не менее она понимала, что *он* прекрасно осведомлен о ее влажной блузке, хотя и ничего не мог увидеть, и это заставляло ее нервничать.

– Давайте двигаться, пока Аарон совсем не раскапризничался.

С каждой проходящей секундой мальчик у нее на руках становился все тяжелее, и беспокойство его росло. Он недовольно выгибался, явно чувствуя себя некомфортно в мокрой одежде.

– Ладно, – согласилась она, отбрасывая с лица своенравную прядь волос, которую Аарону все же удалось схватить ручкой, как бы она ни старалась увернуться. – Вы меня очень обяжете.

– Этот выход? – спросил Тревор, кивая в сторону дверей.

На лице Кайлы появилось смущенное выражение.

– Вообще-то нет. Моя машина стоит на парковке с другой стороны торгового центра.

Он мог бы поинтересоваться, почему в таком случае она бросилась именно к этому выходу всего несколько минут назад, словно за ней гнались черти из преисподней, но повел себя как истинный джентльмен и, не задавая никаких вопросов, молча последовал за ней через торговый центр, толкая перед собой пустую детскую коляску.

– Между прочим, меня зовут Тревор. Тревор Рул, – представился он и, затаив дыхание, стал ожидать ее реакции, но на лице женщины не мелькнуло ни проблеска узнавания, и напряжение в его груди отпустило.

– А я Кайла Страуд.

– Рад познакомиться с вами, – ответил Тревор, кивая в сторону мальчика, который успокоился теперь, когда они снова находились в движении. – И с Аароном, конечно.

Кайла подумала, что его улыбку стоит запретить законом, потому что она несет реальную угрозу женской половине человечества. Его внешность казалась привлекательной для представительниц слабого пола всех возрастов. Она заметила, как стайка девочек-подростков, проходящих мимо, открыто заигрывает с ним. Даже дамы преклонного возраста посматривали на него с интересом. Вне зависимости от того, были женщины одни или со спутниками, все они выделяли Тревора Рула в толпе.

Он не мог похвастаться классической красотой. В его лице не было ничего привлекательного, оно было испещрено морщинками. Две глубоких борозды тянулись от крыльев носа к уголкам губ и густым усам. Кайла гадала, каково могло быть происхождение этих линий. Являлись ли они следами физических страданий вследствие ужасной аварии? Этому мужчине на вид можно было дать лет тридцать с небольшим. Они с Ричардом были бы почти ровесниками.

Ричард. При мысли о нем грудь ее пронзила привычная боль. Будь он жив, сейчас шел бы рядом с ней, и ей не потребовалась бы помощь незнакомца.

Миновала первая годовщина его гибели. В психологической литературе говорится, что это ключевая дата и что теперь ей должно стать легче. Но и дня не проходило, чтобы она не вспоминала мужа, причем, как правило, в самый неожиданный момент. Как, например, сейчас. Кайла была очень этому рада, потому что поклялась, что сохранит память о Ричарде, как для собственного блага, так и для блага Аарона. Лелея воспоминания о муже, она делала его важной частью их жизни.

– Сколько лет вашему малышу? – внезапно спросил Тревор.

– Год и три месяца.

– А он крепыш, да? Мои познания о детях довольно скудны.

– Точно, крепыш, – со смехом подтвердила женщина, перехватывая сына другой рукой. –

Его отец был крупным мужчиной.

– Был?

Зачем она это сказала? Зачем оставила дверь открытой? Она этого совсем не хотела.

– Он умер, – ответила она, не пускаясь в дальнейшие разъяснения.

– Мне очень жаль.

Он говорил искренне. Или нет?

Долгие месяцы – с тех пор, как выписался из больницы, – Тревор ждал удобного момента, чтобы познакомиться с Кайлой. Он мечтал поскорее начать собственное дело, но даже с помощью отца, который беззастенчиво дергал за нужные веревочки, помогая сыну, находился миллион утомительных нюансов, требующих личного вмешательства Тревора. Часы, проведенные в душном офисе, казались бесконечными человеку, которому нужно было наверстать многие месяцы жизни. Помимо этого, он подолгу работал на свежем воздухе обнаженным по пояс, чтобы загореть и избавиться от больничной бледности.

Сотни раз он воображал момент встречи с Кайлой, представляя, где это произойдет, как женщина будет выглядеть, что он ей скажет.

Он не собирался знакомиться с ней сегодня. Но это происходило помимо его воли! Он переживал этот момент! Увидев Кайлу, он уже не мог бы сказать, сожалеет ли о том, что в ту ночь спал на койке Ричарда Страуда. Из чистого эгоизма он был чрезвычайно рад тому обстоятельству, что выжил.

– Боюсь, идти еще долго, – извиняющимся тоном произнесла Кайла, когда он придержал перед ней дверь.

– Я не возражаю.

Парковка давала точное представление о толпе, находящейся внутри торгового центра. Водителям подъезжающих автомобилей приходилось сражаться за освобождающиеся места.

– Вы родом из этих мест, мистер Рул? – поинтересовалась Кайла, чтобы поддержать разговор.

– Зовите меня Тревор. Нет, я не отсюда. Я переехал около месяца назад.

– Что же привело вас в Чэндлер?

«Ты», – мысленно произнес он, а вслух ответил:

– Жадность.

Удивленная таким замечанием, она вскинула голову и посмотрела ему в лицо:

– Прошу прощения?

У ее рта трепетал локон волос. Сердце Тревора екнуло при мысли о том, чтобы убрать эту золотистую прядь и поцеловать Кайлу в губы. Какими же они были притягательными!

– Я строитель, – ответил он в три раза громче, чем требовалось, предварительно прочистив горло. – Хочу внести свой вклад в развитие региона.

Тревор подумал о том, что, возможно, ему следовало бы купить несколько ночей женского общества, прежде чем знакомиться с Кайлой. Ему стоило бы прежде утолить плотский голод, а не предаваться воздержанию.

– Понимаю. Ну, а вот и моя машина, – сказала она, указывая на светло-голубой автомобиль-универсал.

– «Райские лепестки»? – удивился Тревор, прочтя надпись, красующуюся вдоль кузова машины.

– Мы с подругой – владельцы цветочного магазина.

Под названием значился адрес: шоссе Баллард, дом номер 5298. Молодой человек точно знал, где находится это здание, как знал и цвет навеса над входом, и часы работы магазина.

– Цветочного магазина, значит? Звучит интригующе.

Он подождал, пока она усадит Аарона в специальное детское кресло, и помог уложить складную коляску на заднее сиденье.

– Не знаю, как вас и благодарить, мистер... э-э-э... Тревор. Вы были так добры к нам.

– Не стоит. Я получил большое удовольствие от нашей встречи, за исключением того момента, когда Аарон свалился в воду.

Кайла вздрогнула.

– Не хочу даже вспоминать об этом. – Некоторое время она молча смотрела на него, придумывая вежливый способ попрощаться с незнакомцем, который спас жизнь ее ребенку. – Ну, всего доброго, – выдавила она, наконец, чувствуя себя неловко и совершенно не зная, куда девать руки.

– До свидания.

Она скользнула за руль и захлопнула дверцу. Тревор помахал ей на прощание и отступил на шаг. Кайла повернула ключ зажигания. Автомобиль издал неприятный скрежещущий звук, но двигатель не завелся. Она вдавила в пол педаль газа и повторила попытку. «Вррр, вррр, вррр», – рычал мотор, упорно не желая работать. Женщина пробормотала ругательство, от которого ее мать пришла бы в ужас, случись ей услышать подобное из уст дочери. Или, вероятнее всего, она и не подозревала о существовании такого слова.

– Проблемы? – поинтересовался Тревор, заглядывая в окно со стороны водителя. Руками он опирался на согнутые в коленях ноги.

Кайла опустила стекло.

– Не хочет заводиться.

Она упрямо пробовала снова и снова, но, наконец признав поражение, вытащила ключ из гнезда и откинулась на спинку сиденья. Субботний день грозил обернуться сущим кошмаром.

– Позвольте вам помочь? – предложил новый знакомый мгновение спустя.

– Мне нужно просто вернуться в торговый центр и позвонить отцу. Он приедет за нами и пришлет кого-нибудь, чтобы починили машину.

– У меня идея получше. Почему бы мне самому не отвезти вас с Аароном домой?

Некоторое время Кайла молча смотрела на него, затем отвернулась. По позвоночнику пробежал холодок. Этот мужчина был ей совершенно незнаком. Он мог оказаться кем угодно. Откуда ей знать, вдруг он сам повредил ее машину, потом втерся к ней в доверие в торговом центре и...

«Прекрати, Кайла, – приказала она себе, – это полное безумие. Он не мог повлиять на падение Аарона в фонтан». Тем не менее идея садиться в машину к незнакомому человеку ей совсем не нравилась.

– Нет, мистер Рул, спасибо, я справлюсь сама.

Отказ прозвучал более грубо, чем ей бы того хоте лось, но она не могла заставить себя разговаривать более благосклонно с возможным злоумышленником. Теперь ей пришлось в обратном порядке проделать все те утомительные действия, что она совершала несколько минут назад: отстегнуть ремень, удерживающий сына в автомобильном детском кресле, вытащить его из машины, забрать свою сумочку, закрыть окно и запереть дверцу. После чего она пошла в направлении, откуда они недавно пришли.

– Не хочу более отнимать ваше время, мистер Рул, – сказала Кайла Тревору, шагающему рядом с ней.

– Мне не составит труда отвезти вас куда пожелаете.

– Нет, спасибо.

– Уверены? Так будет гораздо...

– Нет, спасибо!

– Вы из-за этой чертовой штуки так реагируете? – спросил он, указывая пальцем на повязку. – Она автоматически делает меня очень подозрительным типом, но уверяю вас, меня нечего бояться.

Кайла резко остановилась и, развернувшись, посмотрела на него в упор. «Боже мой, – подумала она, – теперь он, вероятно, решит, что я с предубеждением отношусь к людям с ограниченными возможностями».

– Я вас вовсе не боюсь.

Напряжение, сковывающее его лицо, рассеялось, уступив место заговорщической усмешке.

– А следовало бы. В наши дни не стоит доверять незнакомым людям. – Он мягко рассмеялся. Не обращая внимания на то, что они мешают движению транспорта, Тревор шагнул к Кайле и одарил ее серьезным взглядом. – Я просто пытаюсь помочь и подвезти вас домой.

Она почувствовала себя очень глупо. Вряд ли мужчина, не побоявшийся испортить ботинки стоимостью в четыреста долларов ради спасения из фонтана маленького мальчика, может оказаться похитителем или убийцей.

– Я согласна, – чуть слышно ответила она.

– Вот и хорошо.

Терпение водителя, намеревающегося выехать с парковки, наконец, истощилось, и он принялся энергично давить на клаксон. Они посторонились.

– А где ваша машина?

Тревор указал направление кивком.

– В полутора акрах отсюда, – со смехом заявил он. – Позвольте мне понести Аарона.

Кайла почти охотно вручила своего сына Тревору, и Аарон тут же шлепнул его по щеке своей пухлой ручкой. Казалось, он совершенно не боится этого высокого темноволосого красивого мужчину с повязкой на левом глазу, очарованием ведущего аукциона и улыбкой, которая могла бы растопить даже айсберг.

Глава 3

Он принялся извиняться за свой пикап.

– Если бы знал, что буду вас подвозить, пригнал бы свою машину, а не этот грузовик.

Он открыл дверцу машины одной рукой, все еще удерживая Аарона другой. Когда Кайла разместилась в салоне, он передал ей сына и помог усадить его ей на колени, задев при этом рукой ее грудь. Она притворилась, что ничего не заметила. Он тоже. По крайней мере, дверь захлопнул быстро. Они сделали вид, что ничего особенного не произошло, хотя она знала, что он думает об этом мимолетном касании так же, как и она.

– Здесь довольно тепло, – заметил Тревор, усаживаясь за руль и запуская двигатель. – Солнышко нагрело.

– Вот и хорошо. Мы все еще мокрые.

Она чуть было не прикусила губу, произнеся эти слова, потому что он тут же быстро и с виноватым видом посмотрел на ее грудь. Кайла испытала огромное облегчение оттого, что Аарон все еще служил ей прикрытием.

В салоне воцарилось неловкое молчание, пока Тревор выводил пикап со стоянки. Посмотрев на нее, он улыбнулся, извиняясь за задержку, и Кайла улыбнулась в ответ, гадая, слишком ли неубедительно у нее получается? Ну почему ей не удастся придумать хоть какую-то тему для беседы?

Маневрируя в потоке машин, Тревор повернул голову, глядя на Кайлу. Она почувствовала его взгляд, но притворилась, что целиком поглощена приглаживанием волос на голове сына и ничего не замечает.

«Почему он так на меня пялится», – недоумевала Кайла, одновременно размышляя, не попросить ли его включить кондиционер, потому что в салоне стало слишком душно. Или у нее жар?

– Хочу задать вам один вопрос, – мягко произнес Тревор.

Сердце Кайлы екнуло. В голове роились сотни предположений:

«Ты со мной?»

«Куда будем ребенка девать?»

«Ты предохраняешься?»

«Поедем к тебе или ко мне?»

Она страшилась услышать любую из этих фраз. До сих пор Тревор был довольно мил. Ей следовало бы предвидеть, что в действительности не все так просто. Не может мужчина оказать женщине услугу и подвезти ее на своей машине, ничего не ожидая взамен.

Не поднимая глаз от завитков на макушке Аарона, она спросила:

– Какой?

– Куда ехать?

У Кайлы вырвался нервный смешок облегчения.

– Ох, простите меня. Направо, пожалуйста.

Он обезоруживающе улыбнулся, направляя машину туда, куда она говорила, теперь уже без дальнейших напоминаний с его стороны. «Должно быть, он решил, что я полная дурочка», – подумала Кайла. Он просто оказывает любезность вдове с ребенком, вот и все.

Кайла не могла не признать, что роль доброго самаритянина подходила бы Тревору гораздо больше, не будь он таким красивым и таким... мужественным. Взять, к примеру, его руки: крупные, сильные, загорелые. Когда он потянулся к рычажку включения радио, она отметила, что ногти его коротко острижены, а костяшки пальцев и тыльная сторона ладони покрыты темными волосками, слегка выгоревшими на солнце.

Затем Тревор переместил ступню с педали газа на тормоз, и Кайла залюбовалась его длинными мускулистыми ногами. Его колени тоже притягивали ее взгляд.

– Жарко?

– Что?

– Вам жарко?

Лицо ее пылало, внутри бушевал пожар. Неужели он заметил, как она смотрит на... на что?

– Да, немного.

Он отрегулировал термостат, и в салон стал поступать прохладный воздух. Теперь Кайла старалась не смотреть на своего спутника.

Клиф и Мег Пауэрс жили в этом доме с рождения Кайлы. Когда они его приобретали, считалось, что дом расположен в фешенебельном районе. Однако постепенно город расширялся, становясь более популярным местом жительства, чем расположенный по соседству Даллас, возникали новые кварталы, и тот, где жили Пауэрс, перестал быть модным.

Дома, некогда симпатичные и в хорошем состоянии, теперь принадлежали людям, которые не уделяли им должного внимания и не гордились ими. Подобно старомодным матронам среднего возраста, постройки казались неухоженными, а дворы – лишенными былого лоска.

Дом Пауэрс выделялся из ряда прочих. Широкое переднее крыльцо имело ограждение с белыми железными поручнями, которые Клиф старательно отреставрировал прошлым летом. Кусты тщательно подрезались, цветы росли на ухоженных клумбах.

Когда пикап Тревоора завернул на их улицу, у Пауэрс работала поливальная установка, мощной струей орошая одну половину двора. Трава с другой стороны центральной дорожки, ведущей к крыльцу, уже была полита ранее и сейчас искрилась в лучах полуденного солнца.

– Вот наш дом, – сказала Кайла, указывая рукой.

Тревор уже вдавил в пол педаль тормоза, потому что конечно же знал, где живет Кайла. За прошедший месяц он так часто проезжал мимо ее дома, что досконально изучил привычки его обитателей и знал даже часы вывоза мусора.

Кайла не заметила, как уверенно ведет себя Тревор, потому что взгляд ее уже остановился на знакомой машине, стоящей на их подъездной аллее. Бэбс. Внутренне Кайла застонала. Как будто ей мало того, что нужно будет объяснять ситуацию родителям, теперь еще придется иметь дело с лучшей подругой и ее не в меру богатым воображением. Она подумала о том, что, если повезет, ей удастся потихоньку выбраться из грузовика Тревоора, не привлекая к себе ненужного внимания. Возможно, он просто уедет незамеченным.

Удача явно была не на ее стороне.

Не успел Тревор съехать на обочину дороги и заглушить двигатель, как дверь дома открылась и на крыльце появился ее отец. Наклоняясь, чтобы завинтить кран поливальной установки, он с любопытством поглядывал на незнакомую машину. Его интерес к ней лишь возрос, когда он увидел сидящих в кабине Кайлу и Аарона.

– Это мой папа, – сказала женщина, заметив, что Клиф направляется к ним легкой танцующей походкой. По необъяснимой причине она почувствовала нервозность и смущение.

Тревор распахнул дверцу.

– Добрый день, – дружелюбно произнес он, приветственно махая рукой и выбираясь из машины. – У меня тут парочка пассажиров, которые утверждают, что живут здесь.

Клиф Пауэрс, казалось, лишился дара речи.

К тому времени, как Тревор обошел пикап, чтобы помочь Кайле, она уже сама открыла дверцу.

– Позвольте мне подержать Аарона. Ступенька довольно высокая.

Неохотно Кайла передала ему сына, и Тревор ловко подхватил его под колени и одной рукой прижал к груди, словно проделывал подобное всю жизнь. Другую руку он протянул женщине, помогая ей спуститься. Он продолжал поддерживать ее под локоток и тогда, когда они обошли грузовик и оказались перед ее изумленным отцом.

– Привет, пап.

– Где твоя машина? Что-то случилось?

– Нет, ничего не случилось. Хотя, должна признаться, поездка в торговый центр не обошлась без приключений, – уныло отозвалась Кайла, прикидывая про себя, как бы ей забрать сына у Тревоора, не создавая неловкой ситуации. Она не рискнула бы снова прикоснуться к этому мужчине, что конечно же было смехотворно, принимая во внимание, что он не представлял для нее никакой угрозы.

– Что здесь происходит? Клиф? Кайла?

Голос принадлежал Мег Пауэрс, которая как раз открывала входную дверь дома. На ее приятном лице отражалось беспокойство. За ее спиной маячила фигура Бэбс. Кайле страшно было даже взглянуть в лицо своей подруге.

Мег поспешно спустилась по ступеням крыльца и чуть не бегом устремилась к маленькой компании, беспокойно переводя взгляд со своей дочери на высокого темноволосого незнакомца, держащего ее внука, и обратно.

– Мама, папа, это мистер Рул. Тревор Рул.

– Сэр, мадам, – вежливо произнес тот, пересаживая Аарона на другую руку и обмениваясь рукопожатием с Клифом Пауэрсом.

– А это моя подруга и по совместительству деловой партнер Бэбс Логан, – добавила Кайла.

– Рад познакомиться, мисс Логан.

Бэбс оценивающе рассматривала Тревоора.

– Привет! И где она вас откопала?

Тактичностью Бэбс никогда не отличалась. Так же как и сдержанностью. Она всегда говорила то, что думала, и сейчас озвучила вопрос, который чета Пауэрс, обладающая достаточным здравым смыслом и хорошими манерами, не решалась задать.

– Я бы сказала, все было с точностью до наоборот, – ответила Кайла.

– Где твоя машина? – снова повторил Клиф.

– Все еще на стоянке торгового центра.

– Думаю, у нее аккумулятор разрядился, сэр, – вежливо пояснил Тревор.

– И мистер Рул предложил подвезти нас домой.

– Как это по-рыцарски! – воскликнула Бэбс, продолжая рассматривать незнакомца. – А что по этому поводу думает миссис Рул?

Кайла испытала острое желание убить свою подругу на месте голыми руками. Она решила, что приведет свое намерение в исполнение при первой же удобной возможности.

Тревор лишь улыбнулся и наклонился, чтобы опустить малыша на землю. Обычно Аарон бы немедленно пустился наутек, но сейчас он стал хныкать, ухватившись пухлыми ручками за все еще влажные джинсы Тревоора. Молодой человек снова взял его на руки, легонько похлопал по спине, и мальчик, тут же затихнув, прильнул к нему.

– Прошу прощения, – пробормотала Кайла, раздосадованная тем, что ее сын так быстро привязался к совершенно незнакомому человеку. – Давайте я его возьму, чтобы вы могли спокойно продолжать путь.

– Все в порядке, – заверил он, одаряя ее улыбкой.

На мгновение взгляды их встретились, и оба почувствовали себя так, словно оказались одни в целом мире, мгновенно забыв, что на них смотрят три человека.

– Малыш весь мокрый, – неуверенно произнесла Мег.

– Ах да! – воскликнула Кайла, стряхивая с себя оцепенение. – Он упал в фонтан.

Это заявление сильно взволновало Пауэрсов, а Бэбс еще больше заинтересовалась происходящим.

– Это случилось до или после того, как разрядился аккумулятор? – уточнила она.

– До. Тревор прыгнул в воду и вытащил нашего Аарона. Не беспокойся, мам, с малышом все в порядке. Просто намок.

– Как же это произошло?

– Я кормила его мороженым, – начала Кайла, понимая, что пришло время посвятить семью в произошедшее. – На секунду отвернулась, а Аарона и след простыл. Зато у фонтана тут же собралась толпа зевак. Когда я подбежала, мистер Рул уже держал на руках нашего вымокшего мальчика.

– Вы бросились в фонтан, чтобы выловить малыша? – уточнила Бэбс, кивая на его мокрые джинсы.

– Да.

– Хмм, – промурлыкала та, глядя на Кайлу заговорщическим взглядом, отчего той захотелось вlepить подружке пощечину.

Клиф и Мег были слишком заняты тем, что благодарили Тревора за спасение внука и за то, как добр он был, подвезя Кайлу и Аарона домой, поэтому они не заметили чуть слышного диалога двух женщин:

– Он такой аппетитный.

– Заткнись.

– А у тебя блузка спереди мокрая.

Кайла немедленно опустила голову и заметила, что сквозь влажную ткань, плотно облепившую грудь, проступают очертания кружевного бюстгальтера.

В этот самый момент она перехватила взгляд Тревора и осознала, что он тоже смотрит на ее грудь. Он тут же снова сосредоточился на ее лице. Все это происходило под сетования Мег о том, как быстро ребенок может убежать от мамы и попасть в беду. Свою речь она завершила вопросом:

– Почему бы вам не пройти в дом и не выпить с нами чашечку кофе, мистер Рул?

– Нет!

Щеки Кайлы залились ярким румянцем, когда она поняла, что высказала вслух свои сокровенные мысли. Она облизала губы.

– Я имею в виду, мы и так отняли у мистера Рула слишком много времени. – Она потянулась к сыну и буквально вырвала его из рук Тревора. – Еще раз огромное спасибо. Вы очень нам помогли и были столь любезны, подбросив нас домой. – «А теперь уезжай прочь», – мысленно добавила она.

– Никакого беспокойства. – Тревор пощекотал Аарона под подбородком. – Пока, крепыш! Рад был познакомиться, – кивнул он присутствующим и неторопливо направился к пикапу, едва заметно прихрамывая. Махнув на прощание рукой, он уехал.

Находясь в полубессознательном состоянии, Кайла повернулась к своим родителям и Бэбс. Все они смотрели на нее выжидающе.

– Мне нужно переодеть сына, – заявила она, проскальзывая мимо них в дом, но они следовали за ней по пятам и снова обступили ее в прихожей дома.

– Расскажи нам все! – потребовала Бэбс.

Они с Кайлой были лучшими подругами со школьных времен. Когда девочки учились в младших классах, мать Бэбс умерла, а ее отцу приходилось часто работать в две смены на заводе в Далласе. Бэбс проводила больше времени в доме у Пауэрсов, чем в своем собственном, и Мег с Клифом считали ее членом семьи.

– Что рассказать?

– Об этом парне! Что произошло?

– Ничего. – Кайла направилась на кухню, якобы для того, чтобы налить Аарону сока. Усадив его на высокий стульчик, она открыла дверцу холодильника. Родители и Бэбс столпились вокруг нее.

– Он и правда прыгнул в фонтан, чтобы спасти малыша? – спросила Мег, отходя в сторону только тогда, когда дочь потянулась за стаканом.

– Мама, не нужно делать из него героя. Он же не в бассейн с акулами нырнул, а в мелкий резервуар. Аарон пробыл в воде не более нескольких секунд.

Кайла сама не могла поверить, что сейчас пытается представить ситуацию в радужном свете. Еще некоторое время назад она считала, что Аарон непременно утонул бы, не среагируй Тревор Рул так быстро.

– А с машиной что? – уточнил отец. – Как он узнал про аккумулятор?

– Ну, он... это... он проводил нас до нее.

– До машины?

– Да. Аарон начал плакать, а я все еще была потрясена случившимся.

– Он сам вызвался помочь? – уточнила Бэбс.

– Да, – натянуто подтвердила Кайла.

– Хмм.

– Перестань повторять свое «хмм»! Ты же не доктор, осматривающий пациента! Прекратите вести себя так, словно я совершила нечто постыдное, дав вам повод смачно посплетничать! Это просто человек, оказавшийся достаточно отзывчивым, чтобы предложить свою помощь. Честно говоря, – сердито добавила она, – вы ведете себя как голодные коты, загнавшие в угол последнюю мышь в городе.

– Ему вовсе не обязательно было везти вас домой, – сказала Мег.

– Он просто оказал любезность.

– Он хромает. Интересно, что с ним случилось, – задумчиво произнес Клиф.

– А вот это совсем не наше дело. Мы никогда его больше не увидим. И, папа, позвони в мастерскую, пусть пошлют мастера починить мою машину. Мама, тебе помочь с ужином?

Они сразу узнали этот категоричный, не терпящий возражений тон, который появился у их дочери несколько месяцев назад, когда она решила, что траур по Ричарду окончен. Этой резкой интонацией она давала понять окружающим, что им больше не нужно вести себя в ее присутствии подчеркнуто внимательно и говорить приглушенным голосом, как на похоронах. Кайла показывала, что не потерпит больше, чтобы с ней обращались как с больной. Родители тут же поняли, что пришло время отступить.

– Нет, дорогая, спасибо, – сказала Мег, отклоняя ее предложение. – Иди наверх, переодевайся Аарона. У нас на ужин только сэндвичи, и я сама справлюсь. Ты останешься, Бэбс?

– Не сегодня, благодарю. У меня свидание.

Кайла вышла из кухни и стала подниматься с сыном на второй этаж. Подруга следовала за ней по пятам.

– А я думала, у тебя свидание, – сердито заявила Кайла, заноса Аарона в спальню для гостей, которую они использовали как детскую.

– Время еще есть.

– Я его знаю? Или это новое знакомство?

– Кай, этот номер не пройдет, – ответила Бэбс, усаживаясь в кресло-качалку и скреживая ноги по-индийски.

– Какой номер не пройдет? – невозмутимо переспросила Кайла, расстегивая подтяжки Аарона и снимая его штанишки.

– Попытка избежать разговора о твоём высоком темноволосом красавчике незнакомце.

– Он вовсе не *мой*!

– Как думаешь, он женат?

– Мне-то откуда знать? Да и какая разница?

– Хочешь сказать, что могла бы связаться с женатым мужчиной?

– Бэбс! – воскликнула Кайла, разворачиваясь к подруге. – Ни с кем я не связывалась! Ради всего святого, он просто предложил подвезти нас домой! Знаешь, что за день был у нас в магазине?

– Полагаю, что так себе. Не думаю, что он женат, – упрямо гнула свое Бэбс. – У него не было обручального кольца.

– Это ничего не значит.

– Знаю. Но у него внешний вид неженатого человека.

– Неужели? Я к нему не приглядывалась.

– А я приглядывалась. Рассмотрела все от макушки до кончиков пальцев, все шесть футов три дюйма. Кстати, о дюймах. Ты заметила, какое сокровище таится у него в брюках?

– Немедленно перестань! – Бэбс затронула болезненную тему, и Кайла поспешно повернулась к ней спиной, чтобы скрыть предательский румянец на щеках. – Ты настоящее чудовище!

– А что ты думаешь о его повязке на глазу?

– Ничего не думаю.

Бэбс вздрогнула.

– Мне она кажется чертовски сексуальной. Вкупе с буйными усами делает его похожим на разбойника или кого-то в этом роде.

– Разбойника? По-моему, ты читаешь слишком много исторических романов.

– А его единственный голубой глаз!

– Он зеленый. – Едва произнесла эти слова, она поняла, что выдала себя с головой. Надеюсь, что подруга ничего не заметила, она с опаской посмотрела через плечо.

На лице Бэбс сияла ангельская улыбка, но в глазах плясали веселые чертики.

– Вот как? Помнится, ты заявляла, что не приглядывалась к нему! – насмешливо воскликнула та.

– А не пора ли тебе домой? – Кайла взяла голенького Аарона на руки. – Я собираюсь искупать малыша, потому что сразу после ужина он отправится спать. У тебя же свидание. К тому же, – она глубоко вдохнула, – я больше не хочу говорить о мистере Руле. Даже думать о нем не желаю.

– Спорим, что он о тебе думает, – сказала Бэбс, расплетая ноги и вставая с кресла. Чуждость подруги ее совершенно не тревожило.

– Не будь смешной. С чего бы это ему обо мне думать?

– С того, что он чертовски не хотел уезжать. Если бы ты не вела себя так, словно села на гвоздь, когда твоя мама предложила ему чашечку кофе, он бы непременно принял ее приглашение и остался. К тому же он заметил твою влажную блузку точно так же, как и я.

– Ничего он не заметил! – возмущенно вскричала Кайла.

– Заметил, будь уверена. Ну, пока!

Бэбс вышла из комнаты и стала спускаться вниз по ступеням, не дав подруге времени придумать новые возражения.

За ужином Пауэрсы проявляли не меньшее любопытство, расспрашивая о «человеке, который спас Аарона», как окрестила его Мег. Их вопросы не носили столь явный сексуальный подтекст, как вопросы Бэбс, но были не менее саркастичными.

Когда Кайла почувствовала, что больше не в силах этого выносить, она встала из-за стола и произнесла:

– Я сожалею, что не вызвала такси. Подумать не могла, что один мужчина может вызвать столько суматохи. Мы же никогда его больше не увидим. Спокойной ночи!

Она унесла Аарона наверх и уложила в кровать. Оказавшись в собственной постели, женщина пыталась читать, но не могла выбросить из головы Тревора Рула.

– Это неудивительно, принимая во внимание, что все только о нем и судачат, – пробормотала она, захлопывая книгу. – Что бы там ни говорила Бэбс, он не смотрел на мою мокрую блузку, – заявила она, расстегивая пуговицы. – Конечно же нет, – снова пробормотала она, снимая бюстгалтер.

Однако мысль о том, что он все же мог что-то увидеть, еще долго не давала ей заснуть.

– Глазам своим не верю! – внезапно воскликнула Бэбс, усаживаясь удобнее в кресле-качалке.

– Что такое? – поинтересовалась Кайла, подавляя зевок. Она удобно устроилась на одном из стульев на крыльце: голова откинута на спинку, глаза закрыты. Был теплый солнечный воскресный полдень, и она чувствовала негу и праздную вялость.

– Это *он*.

Кайла приоткрыла один глаз, чтобы посмотреть, о чем толкует ее подруга, и тут же широко распахнула и второй глаз. Тревор Рул ставил машину перед ее домом.

– Я тебе что говорила? – изрекла Бэбс. – Ему захотелось снова увидеть тебя.

– Если скажешь еще хоть слово, которое меня расстроит, я тебя прикончу! – угрожающе прошипела Кайла, вымученно улыбаясь молодому человеку, который уже поднимался по ступеням крыльца.

– Привет! – поздоровался он.

– Привет! – хором ответили женщины.

Он бросил на Бэбс заинтересованный взгляд, но тут же полностью сосредоточился на Кайле, которая испытала внезапную неловкость оттого, что облачена всего лишь в шорты, выставляющие на обозрение голые ноги. Ступни ее были босыми, а сандалии стояли чуть поодаль, но обуть их сейчас означало бы заострить нежелательное внимание на том, каким повседневным был ее наряд.

– Я переживал за вашу машину, но, как вижу, ее уже починили, – произнес Тревор, кивая в сторону автомобиля-универсала, припаркованного на подъездной дорожке.

– Да. Папа позвонил в мастерскую, и механик приехал прямо на стоянку торгового центра. Аккумулятор зарядили, и папа пригнал машину домой, хотя, возможно, мне придется купить новый аккумулятор.

– Хорошая идея. Вы ездили вместе с ним?

– Нет.

– Как же он нашел нужный автомобиль в море машин на стоянке?

Она засмеялась:

– Ну, там был только один с логотипом «Райские лепестки» на боку.

Его глубокий смех заполнил крыльцо.

– Я рад, что ваше транспортное средство благополучно к вам вернулось.

– Я тоже.

Нервно, Кайла заправила за ухо прядь волос, думая о том, не напоминает ли ее прическа воронье гнездо.

Повисла неловкая пауза, и Тревор спрятал руки в задние карманы джинсов, отчего ткань на бедрах туго натянулась. Кайле тут же вспомнились слова Бэбс, восхваляющие его телосложение. Мысли ее приняли совершенно нежелательный и неподобающий для дамы оборот.

Со своей стороны Бэбс с удовольствием задушила бы подругу за ее дурацкое поведение. Она решила взять ситуацию в свои руки.

– Присаживайтесь, Тревор. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

– Э-э-э, нет, – отказался он, быстро вытаскивая руки из карманов. – Вообще-то я приехал в надежде уговорить Кайлу и Аарона сходить со мной в кафе-мороженое. Я точно знаю, что малыш его обожает.

Кайла открыла было рот, чтобы отклонить приглашение, но подруга оказалась проворнее:

– Ах, какая жалость! Наш мальчик сейчас спит! – Тут ее голубые глаза широко распахнулись, словно ее озарила внезапная идея. – Но *ты*, Кайла, вполне можешь пойти.

Раздосадованная Кайла, заикаясь, пробормотала:

– Я не...

– Я вам помешал? – спросил Тревор, пытливно глядя на Бэбс.

– Ах, обо мне не беспокойтесь, – со смехом ответила она. – Я здесь не живу, и меня развлекать точно не требуется. Мы с Кайлой давние подруги. Знаете, ее предки практически вырастили меня. Мы сегодня загорали на солнышке. Видите вон ту выступающую часть крыши, прямо над спальней Кайлы? Там нам гарантировано полное уединение. – Она дерзко подмигнула молодому человеку. – Понимаете, что я имею в виду?

Он понял. В словесных играх подобного рода ему не было равных, он мог бы даже любительницу пофлиртовать Бэбс выставить неопытным новичком. Черт возьми, да он сам придумал несколько игр такого рода. Он мог бы нагнуться пониже, одарить их обеих соблазнительной улыбкой и бойко выдать несколько остроумных намеков по поводу принятия солнечных ванн нагишом. Но, заметив на лице Кайлы вымученную улыбку, не посмел развивать эту тему.

– Потом стало слишком жарко, – продолжала разглагольствовать Бэбс, – поэтому мы приняли душ и теперь просто расслабляемся в теничке. Я как раз собиралась немного вздремнуть, а Кайле не помешает прогуляться.

Тревор перехватил взгляд женщины и улыбнулся:

– Вам бы этого хотелось?

– Нет, я...

– Кайла, кто... А, мистер Рул! – послышался голос Клифа из-за сетчатой двери. Мгновение спустя он вышел на крыльцо, облаченный в майку, тренировочные брюки и носки.

– Здравствуйте, сэр, – произнес Тревор, пожимая ему руку. – Надеюсь, я вас не разбудил.

– Нет, нет, – солгал тот. – Я еще не дочитал воскресную газету и хотел сделать это здесь, на крылечке.

– Тревор заехал пригласить Кайлу поесть мороженого. Как это мило с его стороны, правда? – заявила Бэбс с широкой улыбкой, словно объявляла о подписании очень важного соглашения.

– Правда, – подтвердил Клиф.

– Не думаю, что мне стоит идти, потому что Аарон...

– С ним все будет в порядке. Он и твоя мама все еще спят, только что проверял. Так что поезжай. Тебе пойдет на пользу на некоторое время сменить обстановку.

Кайла уже и не помнила, когда ей последний раз позволяли закончить предложение. В данный момент она бы с удовольствием задушила всю троицу: отца за излишнюю услужливость, подругу за чрезмерную болтливость и, конечно, самого Тревора за то, что поставил ее в столь неловкое положение.

– Ладно, но сначала мне нужно пойти переодеться, – сказала она, вставая со стула и делая шаг по направлению к двери.

– Незачем тебе переодеваться, – заявила Бэбс командным голосом сержанта-инструктора по строевой подготовке. Она точно знала, что сделает ее подруга, – поднимется прямиком в детскую, разбудит Аарона и воспользуется этим обстоятельством, чтобы отклонить приглашение.

Бэбс не могла этого допустить. Кайла была вдовой, но она оставалась также молодой жизнерадостной женщиной, которой вовсе не следовало замыкаться в раковине одиночества, пресекая всякие контакты с окружающим миром.

Тревор Рул оказался первым мужчиной, достаточно смелым, чтобы попытаться ухаживать за Кайлой, невзирая на оказанный ею холодный прием. Хочет подруга или нет, Бэбс решила лично проследить за тем, чтобы молодому человеку не отказали и он не уехал бы восвояси разочарованный. Голос ее смягчился, когда она спросила:

– Разве ей нужно переодеваться, Тревор? Вы же не едете никуда, где требуется наряжаться в вечерний туалет?

– Это вряд ли. Кайла, что скажете?

Его голос, произносивший ее имя, оказался таким притягательным, что женщина не сумела придумать никакой вежливой отговорки.

– Полагаю, я могла бы пойти, – ответила она, нервно одергивая шорты. – Если мы, конечно, ненадолго. – Она снова села на стул, чтобы обуть сандалии, а поднимаясь на ноги, послала Бэбс злобный взгляд. – Ну, я готова.

Тревор взял ее под локоток, и они вместе спустились по ступеням крыльца.

– Не торопись домой, развлекись немного! – прокричал Клиф вслед дочери. – Мы приглядим за Аароном.

– Оторвись как следует, – вторила Бэбс.

Кайла скользнула на переднее сиденье машины, чувствуя себя полностью униженной и изо всех сил подавляя желание спрятать лицо в ладонях, пока Тревор заводил двигатель. Когда они завернули за угол, он удивил ее тем, что съехал на обочину и затормозил. Положив руку на спинку пассажирского сиденья, он в упор посмотрел Кайле в лицо.

– Послушайте, я понимаю, что ваши родные смутили вас, но мне бы очень не хотелось, чтобы вы и дальше пребывали в подобном состоянии.

В уголках его губ притаилась улыбка, и Кайла, втянув голову в плечи, издала нервный смешок.

– Как вы точно подметили, я была смущена.

– Понимаю. Мне очень жаль.

– Это не из-за вас. Отец и Бэбс вели себя так, словно хотели связать вас по рукам и ногам, чтобы вы никуда не сбежали.

– Подозреваю, что вы нечасто ходили на свидания после смерти вашего мужа.

– Совсем не ходила. Мне совершенно не хочется.

Это известие поразило Тревора, подобно внезапному удару в челюсть. Он сел прямо, воззрившись невидящим взглядом на капот через лобовое стекло машины. С одной стороны, он был сильно взволнован тем, что Кайла не встречалась с другими мужчинами. С другой стороны, она с самого начала сообщила ему свои основополагающие правила и дала понять, что не собирается менять их. Но она же села к нему в машину, так? Ему же удалось одержать эту маленькую победу?

Кайла же думала о том, что ее прямолинейность граничит с грубостью, и собиралась было сказать что-то, чтобы извиниться, но в этот момент Тревор снова повернул к ней голову и произнес:

– Не хочется даже сходить в кафе поесть мороженого?

Она рассмеялась, и он, сочтя это добрым знаком, снова завел двигатель.

– К тому же поедание мороженого сродни пьянству.

– Как это?

– Нет никакого удовольствия заниматься этим в одиночестве.

Они ехали по улицам Чэндлера, которые Тревор, как оказалось, знает гораздо лучше, чем Кайла.

– Я купил этот участок земли.

– Здесь раньше располагалось почтовое отделение, до того, как его перевели в новый торговый центр.

– Да, я об этом слышал. В любом случае я собираюсь возвести на этом месте небольшое офисное здание, довольно симпатичное, с просторной центральной зоной, украшенной растениями и фонтанами. Надеюсь, оно привлечет профессионалов – врачей, адвокатов, ну, вы понимаете. А вот на этот участок я тоже поставил на торгах, хотя не думаю, что удастся его заполучить, – пояснил Тревор, кивая на другое владение, которое они проезжали. – Здесь построят новый супермаркет.

– Но это же пастбище!

Он рассмеялся:

– За год все преобразится. Полагаю, тут появится еще и кинотеатр.

Казалось, Тревор лучше осведомлен о городе, в котором Кайла прожила всю свою жизнь. Более того, он, похоже, являлся одним из сильных мира сего, по чьему приказу перемены претворялись в жизнь.

– Возможно, нам с Бэбс следует перевести «Райские лепестки» на новое место.

– Нет, ваш магазин отлично расположен. Женщина бросила на него быстрый взгляд.

– Откуда вам известно, где он находится?

– Проезжал мимо сегодня как раз перед тем, как к вам заглянуть, – пояснил он после секундной заминки. – Интересно было посмотреть на магазин под названием «Райские лепестки». Скажите, пожалуйста, как долго вы уже занимаетесь этим бизнесом?

– Почти год. Мы начали через полгода после того, как не стало Ричарда, моего мужа. – Кайла рассеянно теребила край шортов. – Понимаете, мы с Бэбс выросли на фильме «Моя прекрасная леди» и всегда мечтали работать в цветочном магазине, как Элиза Дулиттл. Так вот, когда я обнаружила, что мне совсем нечем заняться, подруга стала преследовать меня с этой идеей. Тогдашняя работа ее не устраивала, и родители поддержали нашу затею. Мне же нужно было чем-то занять себя, да и о деньгах на будущее Аарона следовало позаботиться. Вот так... – она замялась, подбирая верное слово, – мы сложили наши капиталы, и не успела я и глазом моргнуть, как стала совладелицей цветочного магазина.

– Он приносит вам прибыль?

– О да, не жалуюсь. Другой имеющийся в городе флорист не блещет идеями и лишен всякого воображения. Мы наступаем ему на пятки, – заявила она с озорной улыбкой, и Тревор бы все на свете отдал за возможность поцеловать Кайлу в губы. Он остро ощущал каждую складочку, которую ее пальцы закладывали на хлопковых шортах, обтягивающих ее гладкие, увлажненные лосьоном, благоухающие цветами загорелые бедра.

К вящему разочарованию Тревора, ему нужно было следить за дорогой. Они съехали с основного шоссе и теперь тряслись по ухабистой незаасфальтированной проселочной дороге.

– Вы везете меня в какое-то секретное кафе-мороженое? – спросила Кайла.

Он широко улыбнулся и подмигнул.

– Может быть, я решил завезти вас в лес. – Улыбка ее погасла, и он рассмеялся и потрепал ее по коленке. – Расслабьтесь. – «Я дотрагиваюсь до ее колена, – мысленно ликовал он. – Я чувствую ее кожу. Боже мой! Не искушай судьбу, убери руку, Рул, сейчас же!» – Я тут строю дом, рассчитывая получить прибыль. Сегодня несколько плотников работают сверхурочно за дополнительную плату, и я хочу лично убедиться, что они не зря получают эти деньги. Не возражаете остановиться здесь на несколько минут?

Нет, она не возражала. Но «расслабиться», как он посоветовал, не могла. Она все еще ощущала прикосновение его ладони, огнем жгущее ее обнаженную кожу.

Глава 4

Тропинка вилась через лес, образованный соснами, дубами и орешником пекан. Наконец, впереди показалась прогалина, на которой стоял строящийся дом. Даже сейчас Кайла видела, что здание будет современным и представительным. В дальнем конце участка среди стволов деревьев виднелась лента реки.

– Тревор, как здесь красиво! – воскликнула она, даже не заметив, сколь легко и непринужденно ей удалось произнести его имя.

Но он заметил и ободряюще улыбнулся ей, заглушив двигатель.

– Вам нравится?

– Очень живописное местечко.

– Пойдемте, я покажу вам все.

– Не думаю, что мне стоит выходить из машины, – запротестовала Кайла, памятуя о своем откровенном наряде и любопытных рабочих, которые, как по команде, бросили работу, едва автомобиль вырулил на поляну.

– Здесь я босс, – заявил Тревор, распахивая дверцу. – Если сказал выходить, значит, вам так и следует сделать.

Солнце припекало ее голые ноги, теплый ветерок ласкал их, но Кайла не замечала милостей природы, полностью сосредоточившись на устремленных на нее взглядах рабочих, когда она пробиралась к дому между грудami строительных материалов в сопровождении Тревора. Они шли очень осторожно. Тревор хмуро посмотрел на мужчин, и они тут же вернулись к работе. Застучали молотки, запела пила, зажужжала дрель.

– Берегитесь гвоздей, – предостерег Тревор, одной рукой поддерживающий Кайлу под локоток, а другой обнимающий ее за талию. Когда они миновали все препятствия, он неохотно убрал руки. – Скоро здесь установят входную дверь. Я подумываю о витражных стеклах.

– Как мило.

– Сейчас вы окажетесь в помещении с высоким потолком и застекленной крышей.

– Обожаю застекленные крыши.

– Правда? – Ему было прекрасно известно об этом факте из одного ее письма:

«...И вошла внутрь. Это был как раз такой дом, в котором я всегда мечтала жить. Современный, окруженный деревьями и с застекленной крышей».

– Однажды видела похожее здание и была им просто очарована.

– Смотрите под ноги. – Галантно предложив руку, Тревор повел Кайлу дальше. – Это гостиная. Она будет очень уютной, с камином у той стены. Столовая там, а вот здесь кухня. – Он показывал ей план первого этажа, и Кайла пыталась вообразить себе, какая будет обстановка, когда дом полностью достроят. Сосредоточившись на плане постройки, она перестала обращать внимание на то, какой маленькой казалась ее ладонь в его ручище.

– Можете ступить сюда?

– Конечно, – отозвалась женщина, радуясь возможности высвободить руку.

Но ее ожидание не оправдалось, потому что Тревор продолжал крепко удерживать ее ладонь, пока они маневрировали в лабиринте деревянных брусьев сечением два на четыре дюйма.

– Это хозяйская спальня. Конечно, очень скоро вы не сможете беспрепятственно проходить сквозь стены, как сейчас. Придется перемещаться по коридорам.

– Какая жалость, что это пространство станет замкнутым.

«Комнаты были просторными и наполненными воздухом. Создавалась иллюзия того, что живешь на природе», – вспомнил Тревор другой отрывок ее письма.

– И я о том же подумал. Поэтому почти в каждом коридоре будет огромное окно от пола до потолка, которое будет создавать иллюзию открытого пространства, – почти дословно повторил он строчки письма Кайлы.

Косые солнечные лучи, просачивающиеся через потолочные перекрытия, причудливыми тенями ложились ему на лицо, радужными бликами играя в темных волосах. Его широкие усы обрамляли чувственные, слегка полноватые губы.

Кайла высвободила свою руку из руки Тренора, с трудом удерживаясь от желания сцепить руки в замок. Прикосновение его только казалось обыденным, но в действительности таковым не являлось. Она думала о том, что мужчина, обладающий наружностью и телосложением Тренора Рула, просто не может не быть сердцеедом, и с легкостью вообразила свисающие с его пояса, словно военные трофеи, трепещущие женские сердца. Чем быстрее он поймет, что она не станет его жертвой, тем лучше.

– А здесь что будет? – спросила Кайла, отстраняясь от него.

– Еще один камин.

– Шутите!

– Вовсе нет. С чего вы взяли?

Она всегда мечтала о доме, в хозяйской спальне которого будет установлен камин, но что-то предостерегло ее от того, чтобы сообщить об этом Тревору.

– Нет-нет, я просто подумала, что это отличная идея.

– И романтическая.

Она бросила на него косой взгляд.

– Полагаю, да.

– Мистер Рул? – Один из плотников вошел в комнату, но до настоящего момента оставался незамеченным. – Прощу прощения, но, раз уж вы здесь, могу я задать вам один вопрос? Это касается обеденной зоны.

– Конечно. Уже иду. – Мужчины удалились в ту часть дома, где планировалось сделать кухню.

– Вы сказали, что хотите сделать окно в этой необычной комнате. Я решил уточнить, в какой стене его прорезать?

Скрестив руки на груди, Тревор на каблуках повернулся к Кайле:

– Похоже, у вас чутье на такие вещи. В какой стене, по вашему мнению, следует сделать окно?

– Я ничего не смыслю в строительстве.

– Я просто спрашиваю вашего мнения.

– Ну, – несмело ответила Кайла, – давайте прикинем на плане. Здесь юг, так? А здесь восток.

– Именно так, – подтвердил плотник.

Некоторое время она молча изучала чертеж, затем предложила:

– А почему бы не с обеих сторон? – Заметив на лицах мужчин изумленное выражение, она поспешила объяснить: – Разве они не могут сходиться в углу? А сверху можно было бы сделать стеклянную крышу. Вы только представьте, обед почти как на природе среди деревьев.

Плотник почесывал голову. Он явно воспринял ее слова скептически.

Тревор, мысленно одобривший предложение, похлопал строителя по плечу:

– Завтра проконсультируйтесь с архитектором и дайте мне знать. Идея мне нравится. – Он повернулся к Кайле: – Спасибо вам!

Она почувствовала, как щеки ее вспыхнули от его похвалы.

– Уверена, архитектор не придет в восторг оттого, что я вмешиваюсь в его проект.

– Архитектор должен беспокоиться лишь о том, чтобы угодить мне.

Они снова вышли на поляну и зашагали к припаркованной поодаль машине.

– Думаю, дом получится невероятно зрелищным, – честно сказала Кайла. – Интересно, кто же будет в нем жить.

– Кто знает? Может быть, вы с Аароном.

Его слова так удивили Кайлу, что она споткнулась о мешок с цементом и упала бы, если бы руки Тренора не сомкнулись на ее талии. Не успела она и глазом моргнуть, как оказалась прижатой к его груди.

– Осторожнее здесь. Вы не ушиблись?

У Кайлы внутри словно бушевало пламя, внезапно она почувствовала удушье. Кожу ее покалывали тысячи крошечных иголочек, а в сокровенной глубине тела разлилось тепло. Она уже забыла, какое это восхитительное чувство – находиться в мужских объятиях. В голову ей ударили мужские запахи: пены для бритья, одеколона, пота. Как же она соскучилась по ним. Тревор был таким крепким, сильным, гибким. Его теплое дыхание омывало ее щеку, когда он заботливо склонился к ней.

– Я в-в п-порядке.

– Точно?

– Да. Во всем виновата моя неловкость.

От столкновения с мешком у Кайлы расстегнулся ремешок сандалии, поэтому она наклонилась, чтобы поправить его, и в этот момент один из рабочих присвистнул. Женщина поспешно выпрямилась и осмотрелась, но все плотники делали вид, что прилежно выполняют свою работу. На их лицах было написано одинаковое невинное выражение, поэтому свистевшим мог оказаться любой из них.

Она посмотрела на Тренора. Тот несмело улыбнулся и пожал плечами:

– У них отличный вкус. Вы готовы?

Конечно, она была готова. Кайла ни о чем так не мечтала, как поскорее убраться отсюда. Она согласилась поехать с Тревором только для того, чтобы угодить Бэбс и своему отцу, и рассчитывала вернуться домой через полчаса. В самом деле, разве поход в кафе-мороженое может занять больше времени?

Но они проехали через весь город, направляясь сюда. Ей совсем незачем было оказываться на строительной площадке да еще и высказывать свое мнение по поводу дома, который он возводит. О чем она только думала?

– Отвезите меня домой, пожалуйста, – попросила Кайла, едва они вырулили на ухабистую проселочную дорогу. – Аарон скоро проснется.

– Но я же обещал угостить вас мороженым.

– Это не имеет значения.

– Для меня – имеет.

Похоже, так оно и было. По крайней мере, если судить по тому, как сильно он сжал челюсть, являя Кайле иную ипостась Тренора Рула. Он мог быть любезным настолько, чтобы прыгнуть в фонтан и выловить из воды маленького мальчика. Он мог проявить доброту, толкая детскую коляску через плотную людскую толпу в торговом центре субботним днем. Он мог продемонстрировать заботу, подвезя женщину в затруднительном положении домой. Но он также мог выказать истинно мужское упрямство, которое пугало и смутно волновало сидящую рядом с ним в салоне женщину.

Его автомобиль явился для Кайлы еще одной неожиданностью. Она ожидала, что он водит какую-нибудь импортную модель с мощным двигателем, низкой посадкой и до блеска отполированными боками. Вместо этого Тревор оказался владельцем американского традиционного семейного легкового автомобиля среднего класса, у которого сзади было достаточно места, чтобы разместить там кресло Аарона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.